

БЕЛОМОРСКИЙ ЭПОС В ЗАПИСЯХ Д. М. БАЛАШОВА 1957 г.

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ПУШКИНСКОГО ДОМА)

Публикация и комментарии Л. И. Петровой

Экспедиция на побережье Белого моря летом 1957 г. положила начало плодотворной собирательской деятельности Дмитрия Михайловича Балашова. Вместе с тем это была единственная экспедиционная поездка, в которой будущий знаменитый писатель-историк Земли Русской являлся официальным представителем Института русской литературы АН СССР, сотрудником которого он мог бы стать, но так и не стал.

Впервые присутствие Д. М. Балашова на заседании Сектора народного творчества Пушкинского Дома было зафиксировано 14 февраля 1956 г.¹ В следующем году он стал аспирантом А. М. Астаховой, безусловно, делившейся со своим учеником в том числе и богатейшим опытом фольклориста-собираателя.

Первые шаги Д. М. Балашова в науке были признаны старшими коллегами весьма успешными. Когда (по окончании аспирантуры) встал вопрос о его дальнейшей научной судьбе, она, казалось, была уже predetermined: «Б. Н. Путилов (в то время зав. сектором. — Л. П.): „Возможности для оставления Д. М. Ба-

---

¹ Протокол № 7 от 14 февраля 1956 г. // Протоколы научных заседаний за 1956, 1957 г. Начато 11 января 1956 г. Окончено 8 октября 1957 г. С. 34. (Индекс № 530). Протоколы научных заседаний сектора народного творчества, на которые мы здесь ссылаемся (в основном это машинописные копии), объединены в «папки-скоросшиватели», имеющие свой индекс и заголовки, и находятся в настоящее время на хранении в Отделе русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

лашова на работе в секторе есть, но необходимо мнение сектора“.

А. М. Астахова как научный руководитель считает, что Д. М. Балашова целесообразно оставить в секторе. Н. П. Колпакова считает, что Д. М. Балашова целесообразно оставить в секторе. Высоко отзывается об экспедиционной работе Д. М. Балашова и материалах, которые он привез. А. Д. Соймонов присоединяется к мнению Н. П. Колпаковой. Н. В. Новиков дает высокую оценку статей Д. М. Балашова, которые идут в томе 4 „Русского фольклора“. В. Г. Базанов: „Вопрос об оставлении Д. М. Балашова должен решить прежде всего заведующий сектором. Но нужно серьезно обсудить диссертацию. Это нужно обязательно. Вопрос об оставлении Д. М. Балашова нужно обсудить в связи с обсуждением его диссертации“. Б. Н. Путилов присоединяется к мнению В. Г. Базанова».²

Обсуждение кандидатской диссертации Д. М. Балашова «Древняя русская баллада» состоялось 1 февраля 1960 г.³ Однако единодушное одобрение работы⁴ и рекомендация ее к защите не решили вопроса о зачислении бывшего аспиранта в штат Пушкинского Дома. Поддержанное абсолютным большинством и отраженное в резюме заседания предложение В. Е. Гусева «предпринять все усилия, чтобы Д. М. Балашова оставить в штате сектора, просить дирекцию изыскать возможности для оставления Д. М. Балашова на работе в секторе» вызвало неожиданное сопротивление со стороны В. Г. Базанова, в то время — заместителя директора ИРЛИ АН СССР: «А. М. Астахова высказывает огорчение по поводу того, что В. Г. Базанов, всегда поддерживавший талантливых людей, не проявляет энтузиазма в вопросе оставления Д. М. Балашова. Это вопрос важный для нашего коллектива. Плохо будет, если мы не поддержим специалиста, талантливого человека, выросшего в нашем коллективе».⁵

---

² Протокол № 1 заседания сектора народного творчества от 4 января 1960 г. // Протоколы научных заседаний 1960 г. Начато 4 января 1960 г. Окончено 29 декабря 1960 г. С. 5. (Индекс № 630).

³ Протокол № 3 заседания сектора народного творчества от 1 февраля 1960 г. // Там же. С. 12—15. Далее цитируется по этому документу с указанием соответствующей страницы.

⁴ Приведем лишь некоторые из прозвучавших на этом заседании высказываний. Гусев В. Е.: «работа Д. М. Балашова производит хорошее впечатление сочетанием глубокого теоретического подхода к материалу и детальным анализом его» (С. 12); Н. В. Новиков: «Диссертация удалась, это вдумчивый и серьезный научный труд» (С. 13); «Н. П. Колпакова согласна с определением В. Е. Гусева диссертации как незаурядной. Способность к самостоятельному мышлению ярко видна в диссертации» (С. 13); Б. Н. Путилов: «Мнение сектора единодушно, диссертация получилась» (С. 14).

⁵ Там же. С. 15.

«Прочесть работу Д. М. Балашова, — отвечал В. Г. Базанов, — имел возможности в силу загруженности. Диссертация важна для решения вопроса об оставлении Д. М. Балашова в секторе, [ее] должны были внимательно прочесть те ученые, которые морально отвечают за работу его в секторе. Лично против Балашова ничего не имею, но говорить о нем, как о таланте, едва ли следует. Не нужно слишком спешить, слишком эмоционально подходить к оценке молодого специалиста».⁶

Несмотря на возражение сотрудников («Н. В. Новиков не считает, что проявляем поспешность»)⁷ и принятое 1 февраля решение («Учитывая хорошие итоги работы Д. М. Балашова над диссертацией и то, что его работа связана с планами работы сектора, считать весьма желательным зачисление Д. М. Балашова в штаты сектора»)⁸, вопрос о дальнейшей научной судьбе Д. М. Балашова оставался открытым вплоть до осени 1960 г. В последний раз начинающий фольклорист присутствовал на заседании сектора народного творчества 1 сентября (протокол № 23). Впрочем, связи Д. М. Балашова с Пушкинским Домом, как известно, не прерывались в течение всей его жизни. Став сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (далее — ИЯЛИ) (1960—1969), Д. М. Балашов не мог не продолжить собирательскую деятельность на Русском Севере, в том числе и совместно с пушкинодомцами.⁹

В те по-своему драматичные годы фольклорные записи не были предметом коммерческого торга. Совместные экспедиции разных организаций совершались во имя общей цели сохранения народной культуры и потому было естественным, что в одной из этих организаций оставались оригиналы, а в другой — копии. Оригиналы записанных Д. М. Балашовым в 1957 г. материалов, публикуемых в настоящей работе, хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (р. V, кол. 172). Сведения о наличии соответствующих копий в ИЯЛИ приведены в публикации Н. Л. Шибановой «Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в архиве Карельского Научного центра РАН».¹⁰

---

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Зимняя экспедиция 1961/62 г. на Терский берег Белого моря с С. Н. Азбелевым; экспедиция 1964 г. на Терский берег Белого моря с Т. И. Орнатской; экспедиция 1963 г. на Печору — с Ю. К. Бегуновым.

¹⁰ Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в Архиве Карельского научного центра РАН / Подгот. к печ. Н. Л. Шибанова // Русский фольклор : Материалы и исследования. СПб., 2008. Т. 33. С. 425—475.

«Отчет о поездке на побережье Белого моря летом 1957 г.¹¹

Поездка моя носила чрезвычайно скромный характер. Послан я был на полмесяца для участия в экспедиции Карельского филиала АН СССР, организованной К. В. Чистовым. Экспедиция же эта намечалась с месячным сроком работы, так что я, собственно, мог лишь ознакомиться с приемами и методами собирательской работы.

Моя личная задача состояла в том, чтобы ознакомиться с бытованием балладного репертуара на Севере. В задачи петрозаводской экспедиции входило: во-первых — сбор песен, во-вторых — эпического репертуара. К сожалению, К. В. Чистов был болен и не смог возглавить экспедицию, в которую вошли, таким образом, четыре человека: я и три студентки третьего курса филфака Петрозаводского университета с опытом собирательской работы.¹²

Поскольку я был вызван в Петрозаводск раньше, то срок экспедиции мне был продлен до 20 дней, а денежная сумма увеличена с 800 до 900 рублей.

К величайшему сожалению, Сектор не смог снабдить меня магнитофоном никакой конструкции, что весьма нерасчетливо. Если у нас мало денег, тем более нужно посылать людей с магнитофонами. Это будет ровно вдвое дешевле, чем снаряжать потом отдельную экспедицию за напевами.

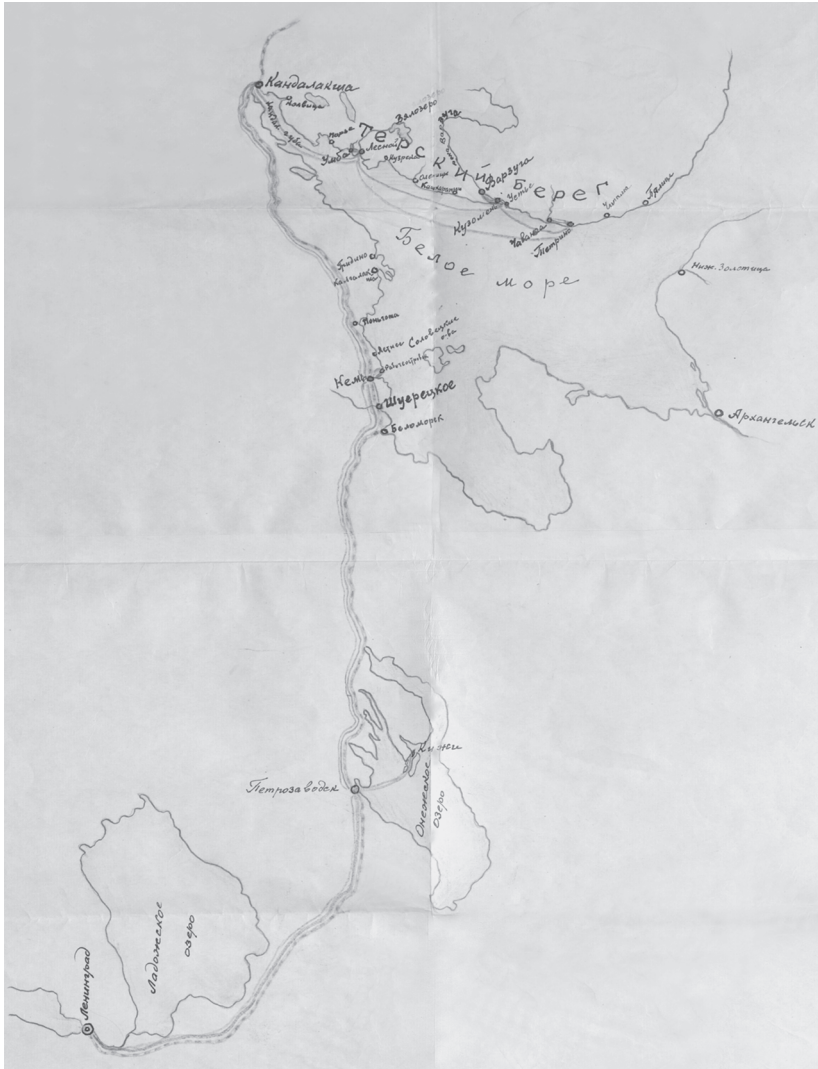
Экспедиция К<ирилла> В<асильевича> тоже не была снабжена магнитофоном. Я буквально вырвал в филиале любительский магнитофон „Эльфа-6“ и две кассеты с пленкой, которые и исписал целиком в первом пункте моей работы — в Шуерецкой. Так что вместо трехсот-четырехсот музыкальных записей, которые я мог бы сделать при наличии хорошего прибора и пленки, я сделал 59 — столько, сколько уместилось на моих двух кассетах, и то в одном месте, на Карельском берегу.¹³

---

¹¹ Текст печатается по машинописной копии (с правкой чернилами и карандашом), хранящейся в РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 1, л. 1—19. В текст мы позволили себе внести незначительную синтаксическую правку. К отчету была приложена карта с указанием маршрута экспедиции 1957 г., начерченная рукой Д. М. Балашова (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 1) — см. рисунок.

¹² Фамилии студенток Д. М. Балашовым не называются. По сведениям, содержащимся в «Описании коллекций русского фольклора Научного архива КарНЦ РАН» (см.: Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов : Материалы V научно-практического семинара. Петрозаводск, 21—22 марта 2012 г. Петрозаводск, 2012. С. 140), это были И. В. Суханова, С. К. Вавилина, Л. И. Лукина. Однако все публикуемые в настоящей работе тексты, в том числе пять, аккуратно переписанные кем-то чернилами (№ 9, 11, 16, 24, 26), сопровождаются пометой, сделанной рукой Д. М. Балашова: «Записал Д. Балашов».

¹³ На магнитофон были записаны песни свадебные, лирические, с движением (см. опись кол. 284 в Фонограммархиве ИРЛИ РАН, а также пере-

Карта с обозначением маршрута экспедиции Д. М. Балашова на побережье Белого моря летом 1957 г.

Сверх того — пусть те, кто знаком с этим „Эльфом“, скажут, что это за система. Не говоря о конструкции, весом он приближается к той сумочке перемётной, в которой была заключена тяга земная. А не взять его совсем я не мог по соображениям научной честности. Когда я поступал в аспирантуру, у меня произошел памятный для меня разговор с Флавием Васильевичем,¹⁴ который сказал мне: „На словах-то вы все за то, чтобы изучать и собирать песни с напевами, а вот на деле...“ Ну и я не хотел, чтобы у меня расходились слова и дела.¹⁵

Путь мой был таков: 30 июня я выехал из Ленинграда. 1-го был в Петрозаводске, где знакомился с архивными материалами прошлых экспедиций в Кемский район; выпрашивал магнитофон и проч<ее>, 4-го июля мы выехали в Кемь, где сделали первые записи. 5-го — в Шуерецкую, где и работали до 16-го числа. 16-го я простился с девушками и поехал в Кемь.

Зная карту, несложно было рассудить, что Терский берег вдвое ближе, чем Ленинград (разумеется, для продолжения поездки у меня были и более веские причины).

Не зная тогда результатов поездок Н. П. Колпаковой на Терский берег, я ожидал найти здесь значительный пласт древних баллад. (Я был знаком с экспедицией [А. В.] Маркова, [А. Л.] Маслова и [Б. А.] Богословского.)

Увы! В Чаванге, на родине Аграфены Матвеевны Крюковой еще помнят, как ее выдавали замуж, как отец тащил девушку за косу из погреба, но не помнят ни одной былины или баллады из всего обширного репертуара сказительницы, некогда привезенного ею с Терского берега.¹⁶

Итак, после разговоров с рыбаками и выяснения путей, я сел в Кемь на поезд и поехал в Кандалакшу. В Кандалакше пересел на пассажирский катер и 19-го, в день окончания моей командировки, был в Умбе (поселок Лесной) — административном и хозяйственном центре Терского берега. Здесь я представился властям, сделал ряд записей в Умбе-деревне (в том числе три баллады и стих про Егория). Нашел местного краеведа — старожилу Петра Ивановича Пирогова — и от него получил историко-географические советы для дальнейшего путешествия. Самую

чень фонозаписей, осуществленных собирателем: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 280).

¹⁴ Флавий Васильевич Соколов (1920—2003) — музыковед-фольклорист, с 1953 по 1957 г. — заведующий Фонограммархивом Сектора народного творчества Пушкинского Дома.

¹⁵ Этот абзац заключен в скобки (чернилами) и перечеркнут карандашом.

¹⁶ Т. е. «привезенного ею» на Зимний берег, где и производил от сказительницы записи А. В. Марков.

древнюю историю заселения берега я изучал еще раньше, при подготовке своего реферата.

В Умбе я три дня ждал оказии. Из Умбы на грузовом боте проехал в Кузомень, где нашел сказочницу, сестру Пирогова, и записал от нее свыше двадцати сказок. Записал я здесь и 60 песен, но ни одного „стиха“ — они исчезли полностью. Из Кузомени я прошел пешком в Варзугу (20 км), где работал восемь дней. Из Варзуги опять пешком вернулся в Кузомень, застал там уже знакомый грузовой бот и с ним отправился дальше, в Тетрино.

Из Тетрино я сходил на один день в Чаваньгу (это 25 км в один конец). Вернувшись, делал записи и ждал парохода из Архангельска. 13-го августа, утром, пришел пароход. Было легкое волнение, поэтому посадка происходила романтически: с пляшущих лодок на пароход лезли по веревочному шторм-трапу. Пристаней там, за Умбой, нет; пароходы и даже боты останавливаются в открытом море, а с берега к ним подъезжают лодки — карбаса́.

На обратном пути я нигде не задерживался. В Умбе пересел на другой пароход, в Кандалакше в тот же день на поезд, в Кеми слез только на полдня, чтобы взять магнитофон и зарисовать Кемский собор. Два дня потратил в Петрозаводске на поездку в Кижы и 18-го августа был в Ленинграде.

Итого я ездил 50 дней. За вычетом переездов-переходов и времени, проведенного в Петрозаводске, на сбор материалов у меня осталось 11 полных дней в Кеми и Шуерецкой и 19 дней на Терском берегу. Всего 30 дней полевой работы.

Белое море изумительно красиво. (Возможно, мне повезло — нынче там было необыкновенно жаркое лето.) Фиолетовые граниты, обитые ледником, сползают в воду, на них щетина соснового леса. Голубые горы вдали. Удивительно нежные и тонкие тона и необыкновенные белые ночи с цветным непотухающим небом.

Уже в Шуерецкой не растет хлеб; сельское хозяйство имеет здесь исключительно подсобный характер: держат коров, сажают картошку, кое-кто — лук, редиску, но уже очень редко. За сеном ездят на лодках.

Основное занятие жителей — рыбная ловля. С Карельского берега ходят „на Мурман“, на Баренцево море за рыбой, на Терском бегу больше ловят у дома, по тóням (это избушки, куда перебираются жить и рыбачить на все лето).

Ловят селедку, камбалу, корюшку и т. д. С Терского берега ходят в горло Белого моря за тюленями. Но богатство края составилось на семге. Промысел этой дорогой рыбы особенно значителен на Терском берегу. Впрочем, нынче улов семги снизился. Все же благодаря рыбе живут люди зажиточно, особенно на Терском побережье. В магазинах всюду есть сахар, мука, крупы и т. д.

В Умбе — лесосплав и лесной завод. В Варзуге и Умбе есть рыбопроизводящие заводи́ки, но очень устарелые.

Край был и раньше сравнительно очень богат. До сих пор стоят двухэтажные купеческие дома разбогатевших на рыбе промышленников, и стоят часто — чуть ли не через два дома на третий. Основательные амбары для рыбы.

В устье Варзуги, к примеру, до революции находилось 18 судов местных владельцев, кузомлян и варзужан. В самой Кузомени было пять лавок.

Архитектурно Терский берег и Карельский мало отличаются друг от друга. Чудесные шатровые церкви сохранились в Кеми и в Варзуге. К сожалению, очень много интересной архитектуры было уничтожено во второй половине <19>30-х годов, а в Шуерецкой уже после войны от молнии сгорела шатровая церковь.¹⁷

Заселялся край новгородцами с незапамятных времен. Сначала тут промыслили пушного зверя, позже стали ловить рыбу. Огромное значение для экономики края имел Соловецкий монастырь. Владения его были по всему Терскому берегу. Староверчество, как это ни странно, доходит только до Умбы. Дальше „на низ“ — низом считается восточный конец Терского берега, — староверческих семей совсем нет.

Позднее сюда устремились переселенцы с востока и юга. От Архангельска (с Двины) они двигались „вверх“ по берегу, в сторону Кандалакши. Эти новые жители смыли на Терск<ом> берегу старинную новгородскую эпическую традицию, принесли заметное аканье в песнях. Влияние Архангельска продолжалось и позже, почему Терский берег богаче городскими романсами, в отличие от Карельского, и беднее эпосом.

Новгородская традиция была отодвинута от берегов и отошла в глубь Кольского полуострова. Так Варзуга была, видимо, богаче эпосом, чем Кузомень, а название „старины“ я записал в Умбе от женщины родом с Вялозера — она одна на всем моем пути знала и употребляла это слово. (Чуть я не поехал в Вялозеро, но там, сказала она мне, уже никого не осталось из старых жителей.)

На Терском берегу (название которого, по преданию, произведено от тверских князей, соперничавших с Новгородом за право владения) древнейшее поселение — Варзуга. Раньше тут был погост Карельский. В 1419 году он был сожжен „мурманам“—норманнами, видимо, — и перенесен вверх по реке, за пороги, с новым названием: Варзуга. Умба, Кузомень, Тетрино появились в XVI—XVII веках.

Варзуга очень долго сохраняла значение центра края. Здесь, по зимам, устраивалась ежегодная Никольская ярмарка; на нее съезжались со всего побережья, а из глубин Кольского полуострова саамы гнали оленей на продажу, везли озерную рыбу.

---

¹⁷ Этот абзац отмечен скобками и перечеркнут карандашом.

В настоящее время родственные связи и знакомства жителей распределяются по берегам. На Карельском — знают друг друга по Карельскому берегу, на Терском — связи между жителями простираются от Кандалакши до Пялиц. Так, в Умбе я познакомился с гостившей там певицей из Тетрина. В Тетрине застал кузюмку, ныне живущую в Кандалакше, и т. д. Соответственно перемешивается и фольклорный репертуар, хотя каждое село имеет свои особенности в напевах и репертуаре.

Песенным центром, признанным всеми жителями Терск<ого> бер<ега>, является Варзуга.

В одежде — старинных сарафанов и повойников держатся старухи, они очень красивы и величественны в этих сарафанах. Молодежь и женщины средних лет все носят современные костюмы; жители культурны, много ездят, много видели, живут зажиточно и очень чисто, в поморские избы приятно заходить. Такая же чистота на тонях. Народ замечательно приветливый, гостеприимный, честность там поразительная. Пробыв на Белом море меньше двух месяцев, я возвращался оттуда, как будто бы уезжал от родных мест.

Каковы же результаты поездки? Сразу скажу, я собирал „досельный“ фольклор, ограничив себя не в жанре, а в историческом периоде (за немногими исключениями). Привез я песни, сказки, баллады, былины, духовные стихи, детский фольклор, старинные частушки.

Старших исторических песен и плачей я не обнаружил. Частушки записывал походя, только досельные, и специально их не искал.

Всего записей у меня 900 (моих личных; кроме того, я привез 51 песню из записанных студентками). Из них эпических записей и духовных стихов — 44, сказок и преданий — 47, частушек — 367. Песен, в том числе детского фольклора, — 442 записи. Среди разговоров исполнителей, записанных мною, имеется также несколько поговорок. Возраст исполнителей в целом от 50 до 60 лет. Иногда старше, до 70 и более. Реже — младше.

Женщины моложе этого возраста обычно не знают или плохо знают старинный репертуар. Это — следствие не одного возрастного распределения репертуара, а, главным образом, — изменения всего строя жизни.

Старинные песни лучше сохранены там, где существовал самодетельный хоровой коллектив, — как в Шуерецкой и ряде сел по Терскому берегу.

Публикации, доступные широким массам, и радио, главным образом, определяют сейчас, будет ли жить или умрет традиция старинной песни, так как радио сейчас — основной авторитет для села.

Молодежь поет то же, что и везде. Так я по всему Белому морю от Шуерецкой до Тетрино слышал «Подмосковные вечера».

В Варзуге, где поют, идя на работу и с работы, поют, проезжая на машине на покос или возвращаясь на карбасах с того же покоса (и поют хорошо, я слушал), — что же поют девушки? Это все те же песни, что и у нас здесь. Так я запомнил песенку «...Встречу милого как-нибудь летом, / И спрошу я, волнение тая...», которую девушки в Варзуге пели особенно выразительно. А неделю назад слышу — брат напевает себе под нос то же самое на абсолютно тот же мотив; он слышал ее в Ириновке, под Ленинградом. Песня из песенника — автор Харитонов.

Дело в том, что старые песни были прикреплены к каким-то обрядовым сторонам жизни — свадьбы, гуляния, посиделки и т. д., а жизнь переменялась. Старые песни поют еще на „балах“, т. е. на праздниках, особенно когда под хмельком.

Поскольку меня прежде всего интересуют особенности общественного художественного сознания, определяющие жизнь и изменение фольклора, то я записывал не только тексты, но и все реплики, разговоры и оценки, суждения, которые слышал от исполнителей по поводу песен, „стихов“ и сказок, с тем, чтобы восстановить потом, насколько возможно, непосредственный народный взгляд на фольклор.

Вот обзор собранного материала по жанрам.

Записей былин, баллад и духовных стихов — всего у меня 44, не считая мелких отрывков. Сюда входят и поздние духовные стихи XIX в.

Эпос — вообще „стихи“ находятся в стадии полного разрушения. „Стихи нынче не поют, ни к чему теперь“, — по словам самих исполнителей. При этом Карельский берег богаче эпическими произведениями, чем Терский, особенно Гридино и Калгалакша, где я как раз не был. В Шуерецкой мною записаны: „Козарин“, „Соломан“, „Дунай и королева“, два „Сухмана“, три варианта баллады „Жил-был князь 90 лет“, два — „Домны“ и один — „Князя Михайлы“. Кроме того, несколько духовных стихов, среди них интересны „Егорий-змееборец“ и „Алексей человек Божий“. При этом на те же сюжеты я мог сделать еще пять-шесть записей. На Терском берегу, при самом крайнем тщании, я записал только былинку „Катерина и Алёша“ (это „Чурила и Катерина“), взятую из книги; два дефектных варианта „Ивана Годиновича“ да „Илью Муромца“ в прозаическом пересказе. Из баллад: „Вдову Пашицу“ — дважды; „Домну“ — шесть раз; „Жил-был князь 90 лет“ — три раза; „Князя Михайлу“ — три раза и одного „Князя Романа“. Из духовных стихов — „Егория-мученика“ и, интересные культурно-исторически, распетые поздние стихи XIX века: „Стих бедного старика“, „Гора Афон“, „Стих юного отшельника“ и „Плачевный стих“.

Кроме того, записал несколько отрывков, среди них — начало песни про Иова и Мару. Это в трех селах из пяти обследованных.

Наиболее популярны на обоих берегах стихи про „Алексея человека Божьего“ и святого Егория и баллады „Домна“ и „Жил-был князь 90 лет“.

Былины, по существу, кончились совсем. Характерно, что и то, что записано мною, — это былины позднего образования, новеллистические и приближающиеся к балладам.

Почему умирают „стихи“? Некоторые женщины объяснили так: раньше стихи пели, как избы мыли, скоблили стены, а теперь обои клеят, так не моют стен и стихов не поют.

Дело, конечно, не в этом, а в изменении строя жизни. Рассказывая мне балладу „Домна“ в Шуерецкой, одна исполнительница прибавила: „Это все быль, было, было, так же сватались, так же бросались на ножики“. А относительно „Князя 90 лет“ я слышал такое пояснение: „Слушать старинных стариков — пригодится молодым. Есть и сейчас — наскажут, насплетничают, а потом и верно, живут плохо“.

По мере того как исчезает возможность сопоставлять сюжеты и мораль баллад и былин со своей жизнью, исчезают из живого бытования сами стихи. То же касается и духовных стихов.

Однако в эпосе есть и другая сторона: мы-то его ценим не за то, что он отображает нашу жизнь, а как памятник великого прошлого и памятник народного искусства. Чтобы люди научились ценить эпос с этой стороны, надо, чтобы они увидели его в книге, услышали по радио, то есть по каналам высокой для них, авторитетной городской культуры.

С этой стороны очень интересно, что грамотность не только не мешает, но и активно помогает сохранению эпоса.

Исполнитель, который записал свои „стихи“, лучше их помнит. Две былины из записанных мною переняты из книг. Неплохо вспомнить также, какое значение имела ранняя письменная фиксация эпоса других народов, например, исландских и ирландских саг. А между тем, кто из фольклористов приложил руку к выпуску дешевых изданий эпоса для народа? Никто. Большое дело было отдано предпринимателям. На тягу народа к тому, чтобы преодолеть разрыв письменной и устной литературы откликнулась церковь, отсюда эти новые стихи: „Стих бедного старика“ и др.

Исторических песен почти не встречалось. Я записал сравнительно позднюю, по существу солдатскую песню „При лужку, лужку, лужку стояла армия в кружку“ и песню „В непоказанное время царя требуют в Синод“ с оригинальным концом. Песен про Грозного, Разина, татарский полон — не было.

Плачей я не нашел.

Сказки я записывал главным образом на Терском берегу.

На Карельском берегу К. В. Чистов почти не находил сказок и просил выяснить, почему это? Я нашел в Шуерецкой одного

сказочника — рыбака. Записал от него сказку про солдата и генеральскую дочь, анекдот про Петра I и Соловецкого отшельника, анекдот про генерала, несколько загадок. Он, кроме того, пересказывает книги, например „Марракотову бездну“ Конан-Дойла, в чем видно опять же тяготение к слиянию литературы и фольклора.

Дело в том, что с этого берега за рыбой ходят на Мурман одни мужчины и, возможно, это определяет репертуар сказочников и то, что летом трудно найти рассказчиков. Кроме того, теперь ходят на больших судах, где есть радио, книги. Раньше же, по словам сказочника, „на Мурман ходили — мелкая посуда, три-четыре человека. Осенью тёмно, шторм, выйти некуда. Ну, соберутся с соседних тоней и — кто чего“.

Впрочем, нашел я и одну старушку с волшебными сказками. Записал от нее сказку про Алёнушку и брата Иванушку (козлика). Знала она „Финиста ясна сокола“ и много других. Я дал ее адрес девушкам, когда уезжал. (Ходили ли они к ней — не знаю.)

На Терском берегу тони под боком, забираются туда всеми семьями и, хотя сейчас рыбацкая тоня совсем не то, что было раньше (заходя — я видел свет, радио, журналы, том Майн Рида), все же сказки целее.

Я нашел двух сказочниц в Кузомени и Варзуге и записал от одной 21 сказку, в большинстве — волшебные старинные сказки, и одно историческое предание (как англичанка здешни берега разоряла). От другой, в Варзуге, я записал 18 волшебных и детских сказок; первые она подзабыла, а детские у нее очень хороши. Там же я записал еще сказку от другой женщины. Сверх того, достал адреса двух знаменитых по берегу сказочников в Умбе и в Пялицах.

Интерес к сказкам падает. Многие жители спрашивают: „А кому это нужно?“

Место сказки заменяет роман с приключениями и фантастикой. Однако как элемент культурного и художественного наследия сказка может сохраниться. Иногда сказки рассказывают на сцене.

Сказка в литературной обработке, например сказки Пушкина, очень живо воспринимается и влияет на устную сказку. (Так, я записал интересный вариант царя Салтана.) Многие сказки берутся из сборников сказок и передаются в местной обработке. В волшебных сказках Терского берега Кашей бессмертный заменен всюду нечистым духом или дьяволом. Чрезвычайно широко распространена злая Яга-баба, часто с дочерьми. Стойко сохраняется сказочная обрядность, троичность событий, сказочные речевые формулы и проч.

Больше всего я привез песен. Всего записей у меня моих личных — 442. Повторных дословных записей среди них немного.

По-видимому, для того периода и места, к которым относятся записанные мною песни, характерно, что обрядовые действия и песни годового сельскохозяйственного цикла целиком вытеснились гуляньями и игровыми песнями. Во всяком случае, я тщательно спрашивал про специальные новогодние или весенние песни.

Большинство песен делится только на два раздела — протяжные, распевавшиеся на беседах, на качелях (отсюда название — „качельные“) на праздниках, и плясовые, скорые („утушные“ или „заюшки“), сопровождавшие пляски и хороводы.

Из собственно обрядовых песен в старшем поколении сохранились свадебные песни, которых я записал немног<им> более сорока.

По воспоминаниям женщин я записывал последовательность обряда свадьбы на Карельском и Терском берегах и песни старался записывать и там, и там в этой последовательности. При этом выбор песен на разных берегах отличен, а в пределах одного берега обряд свадьбы, как кажется, почти одинаков. В Шуерецкой я записал также свадебную причетъ и свадебное виноградьё — „Среди-то было Китая, славного города“, а на Терском — несколько вятских свадебных песен, среди них приговор дружки, — от переселенцев вятичей. В Варзуге записал также несколько шуточных свадебных песен: „Каты покаты“, „С поверья, с поверья“,¹⁸ „Витя на грядке трясется“ и проч., которые поются детям, присутствующим на свадьбе.

Обряд свадьбы сохраннее на Терском берегу, чем в Шуерецкой. В Тетрино при мне вымазали тестом неудачливого свата. Но все же свадебные песни и обряд умирают. Про одну недавнюю молодую свадьбу женщины передавали мне: „и спели «Звёздку»,¹⁹ а боле ничего и не знают, и ни одной песни не допели до конца”.

Переселенка из Кировской области (не без оттенка областного самолюбия, разумеется) говорила мне про местные свадьбы, что и поют-то не так, и не сядут по чину, а „как собаки бежат за стол“, — в общем, „некультурно у них свадьбы проходят“. Это тот редкий случай, когда под словом „культура“ понималась культура народная, сельская, а не джаз с фокстротом.

Жизнь свадебной песни определяется сравнимостью со всей жизнью. Одна из женщин в Варзуге спела мне песню „Много, много у сыра дуба...“ и вдруг, поглядев на внучку, брошенную родителями, заплакала и пояснила шепотом: „Вот и она так же... Мать бросила, и отец уехал“.

Когда сравнимость со своей жизнью исчезает — песни умирают. Умирают скорее всего такие, которые связаны с насиль-

¹⁸ В машинописи «Сноверья — сноверья» — вероятно, неточное отражение рукописного оригинала.

¹⁹ В машинописи — «Звестку».

ственной отдачей замуж. Например, „Как свата ругают“ я записал с большим трудом.

В свадебных песнях ясно видно, как и в иных, разновременность их сочинения. Некоторые имеют очень древнюю основу, другие менялись и сочинялись позже, вплоть до второй половины прошлого века. Но сейчас появления новых свадебных песен или переработки старых не наблюдается. В прошлое уходит весь в целом свадебный обряд.

Другая группа песен, выделить которую я сумел только на Терском берегу, — это рекрутские. Их сравнительно мало, и теперь они уже не поются. Меня даже спрашивали, можно ли их петь, не запрещено ли? Лишний пример того, как могут быть перетолкованы наши теории о нехарактерности тех или иных жанров для советского времени, и как мы должны быть осторожны, прежде чем говорить о ненужности чего-либо. Рекрутские песни характеризуются особой группой напевов, так что мне начали петь одну лирическую песню, сказав, что это рекрутская, а потом поправились: „она не рекрутская, а мотив у нее, как у рекрутской“. Всего записей собственно рекрутских песен у меня не более 15-ти. Одна песня поздняя, времени русско-турецкой (балканской) войны, по существу солдатская, но пелась как рекрутская. Как рекрутскую песню пели прощание Чайльд Гарольда с родиной из Байрона.

По красоте своих напевов и образов старинные рекрутские песни могли бы украсить репертуар любого народного хора.

Плясовые песни (всего у меня около 100 записей): в Шуерецкой их чаще всего зовут „утушные“ — по названию хоровода, на Терском — „заюшки“. По мере движения по берегу от Карельского берега к Архангельску плавная медленность „утушных“ шуерецких песен сменяется все большей стремительностью, и в Тетрине меня угостили такой скороговоркой, которая может посрамить знаменитый речитатив Фигаро.

Вообще и в целом растяжность песен Карельского берега на Терском умеряется и сменяется большой живостью при движении на „низ“, то есть в сторону Архангельска.

О смерти плясовых песен (нынешняя молодежь их не поет и не знает) мне объяснили так: „Гармоней раньше не было, плясали кадрили под песни“. Теперешние старухи пели эти милые, часто остроумные, иногда грустные по содержанию, как „Деревенька-деревня“, песни на беседах и гуляньях в молодости. Содержание их бытовое, чрезвычайно разнообразное. Это истинное море поэзии, юмора, замечательных ритмических рисунков и широкая картина народной жизни. Среди них есть и песни, воспроизводящие дворянскую жизнь XVIII века глазами крестьян. Но более всего — песен о своей жизни, любви, радостях, горестях и прочее.

Протяжным песням — они дали наибольшее количество записей — повезло больше. Они, собственно, делятся на качельные, беседные и т. д. Но деление это теперь потеряло всякую четкость и перепуталось. Поют их на праздниках, на „балах“, как называют вечеринки с угощением по всему Терскому берегу. Молодежь, случаясь тут, подпевает.

Песенные пласты тут те же, что и для плясовых. Ясно ощутимы XVIII и XIX века. Ряд песен, видимо, — местные: „Сорока от Старчины неподалече стоит“ или „По Белу морю корабличек бежит-таки, бежит, к Кеми городу корабличек спешит-таки, спешит“.

Собственно крестьянская протяжная песня в большей чистоте представлена на Карельском берегу. На Терский берег через Архангельск во множестве проникли романсы, мещанский и кабацкий репертуар начала нашего века, как-то: „Папирочка, друг мой тайный“ и прочие перлы.

Впрочем, есть песни, пришедшие из города, но очень красиво и по-своему распеты. Есть красивые песни недавнего сочинения, времени первой империалистической войны: „Дым клубится над Невой“ и другие.

Явно сказывается тяготение к обогащению репертуара произведениями профессионального искусства. Поют Пушкина, Лермонтова.

Беда в том, что между народным искусством и классикой стояла и стоит — я знаю провинциальных гастролеров эстрадников достаточно хорошо, чтобы говорить об этом, — мутная волна невообразимой мещанской пошлости, которая усваивается в деревне под маркой городской культуры.

Когда я ехал на пароходе в Кижы и обратно, репродуктор безостановочно обливал меня столь низкопробными „штучками“, что я за эти несколько часов приобрел неврастению и самые мрачные мысли о будущем нашей советской песенной культуры.

Наши толстые научные издания плохо доходят на „места“, а контролировать массовую продукцию пицци духовной мы или брезгуем, или не можем.

Старинных частушек я привез 367, главным образом с Терского берега. О частушках, вообще говоря, существуют два мнения: одно — старое, что частушка примитивна, губит старинную песню, вытесняя ее и т. д.; другое — новое, что частушка, вытесняя старинную песню, является прогрессивным, интересным, богатым жанром фольклора, откликается на все стороны жизни и т. п.

Мне показалось, что оба эти мнения неверны с самого начала. Частушка ничего не вытесняет. У частушки свое назначение в жизни, в быту. Это особый жанр, который не может заменить песню и никогда ее не заменял. Частушка выполняет задачу тех

коротких скоморошин, которые есть еще у Кириши Данилова, сверх того служит для поэтических диалогов-соревнований на беседах.

В Вологодской области частушка обычно сопровождается дробь (пляску).

Подобные песенки с тем же назначением есть и у других народов, например, в Испании, в<о> Вьетнаме. Та сфера чувств и настроений, которая выражается протяжной лирической песней, в основном частушкой не затрагивается. И если протяжная песня гибнет, то уступает место она городскому мещанскому романсу, а позже — современной советской лирической песне, но никак не частушке.

Что касается детского фольклора, то я привез его хоть и немного, но всех жанров — детские колыбельные, байки, детские складки для среднего возраста (одна из них интересна политическим намеком, насмешкой над Николаем II, сочиненной, вероятно, в войну 1914 года), кроме того, детские сказки и свадебные песни для детей. Есть и тут литературные заимствования. Широко распространена, к примеру, казачья колыбельная Лермонтова. Детские байки построены на каком-то очень простом музыкальном ладе, но том самом, который в сложных разработках пронизывает всю толщу старинных местных песен. Вероятно, поэтому местная молодежь, хотя и не поет, но легко может спеть правильно старинные песни, чего уже не умеют девушки и юноши, выросшие в городе, когда берутся за старинный репертуар.

Для того чтобы фольклор, воспринимаемый народом только как отражение окружающей их жизни, сделать достоянием народа уже как историческую ценность, как памятник родной старинной культуры, каким он является для нас, необходимы доступные издания.

У меня после многочисленных разговоров с самыми разными людьми (от руководителей района до рядовых рыбаков и рабочих) возникла мысль о том, что следовало бы издать сборник Терского фольклора разных жанров с сопроводительной статьей полубеллетристического характера и короткими вступлениями к разделам или отдельным песням, где словами самих исполнителей (так будет живее и доходчивее) давались бы художественные и бытовые оценки песням — те, которые приходится слышать и записывать от исполнителей. Такой сборник был бы доходчив, был бы прочтен с удовольствием и помог бы очень знакомству с культурным наследием своего края всем тем людям, которые сейчас едут осваивать богатства Кольского полуострова. Ведь край стремительно развивается и заселяется у нас на глазах».

Отдельные замечания Д. М. Балашова могли показаться спорными, к примеру — мнение о положительной роли дешевых из-

даний эпоса для сохранения эпической традиции. Но неоспоримо впечатляющими оказались результаты его первой экспедиции, позволившие А. М. Астаховой с уверенностью заявить при обсуждении его диссертации: «Д. М. Балашов проявил себя, кроме того, как очень хороший собиратель, из молодых собирателей он на первом месте».²⁰

Вместе с тем из всего собрания эпических записей Д. М. Балашова 1957 г. опубликовано лишь две: духовный стих о Егории Храбром (РО ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 2, № 3)²¹ и баллада «Князь, княгиня и старицы» (РО ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 2, № 232).²²

Хранящиеся в Пушкинском Доме рукописи Д. М. Балашова — исписанные крупным размашистым почерком (шариковой ручкой) большие листы — это не перебеленные, а именно полевые записи собирателя.²³ Исключение составляют тексты № 9, 11, 16, 24, 26 (см. Примечания).

В настоящую работу вошли все образцы (в том числе фрагменты) былин — вне зависимости от степени разрушенности сюжета, представленного конкретным вариантом, и большая часть баллад и духовных стихов из собрания Д. М. Балашова 1957 г. Тексты публикуются без каких-либо правок (не унифицируются, в частности, различия в написании одних и тех же слов в текстах, к примеру: «быдто» и «будто» — текст № 10, стихи 21 и 22; «Фалилеевна» и «Фалелеевна» — текст № 10, стихи 2 и 6, «королевишьня» и «королевисьня» — текст № 18, стихи 39 и 44). Однако в единичных случаях отражения собирателем ассимиляции согласных производится соответствующая замена буквы, сопровождаемая ее подчеркиванием (вместо «веть» — «ведь»). Сохранены все ударения, проставленные собирателем. Знаки препинания приведены в соответствие с современными нормами грамматики. Заглавия, данные исполнителем, приводятся в комментариях

---

²⁰ Протокол № 3 заседания сектора народного творчества от 1 февраля 1960 г. // Протоколы научных заседаний 1960 г. Начато 4 января 1960 г. Окончено 29 декабря 1960 г. С. 15. (Индекс № 630).

²¹ Русские народные баллады / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 194—195.

²² Там же. С. 60—61. В этом же издании в разделе «Новые баллады» опубликованы 4 образца романсной лирики: с. 339—340 — Три спутника (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 295), с. 362—363 — Мальвина (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 123); с. 367—368 — На том ли острове Буяне (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 46); с. 369—370 — Морская легенда (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 253).

²³ По свидетельству Ю. И. Марченко, хорошо знакомого со стилем работы Д. М. Балашова-собираателя, Дмитрий Михайлович записывал исполняемый текст шариковой ручкой, как правило, в тетрадах большого формата и — с чрезвычайной быстротой. Лишь иногда он просил кого-либо из участников экспедиции переписать зафиксированный им вариант.

после указания архивного шифра. Заголовки, принадлежащие Д. М. Балашову (если они не совпадают с указанными перед текстами названиями сюжетов), заключены в квадратные скобки.

БЫЛИНЫ

Сухман (№ 1, 2)

№ 1

- У Владимира-царя да был почестен пир
На бояр-князей, да добрых молодцев.
На пиру-то все да порасхвастались:
Богатый хвастает да золотой казной,
5 Глупый хвастает молодой женой,
Умный хвастает да старой матерью.
На пиру сидит Сухмантьюшко Одихмантьевич.
Он не пьет, не ест, не кушает,
Белой лебеди не рушает
10 И ничем в пиру не хвастает.
Говорит ему Владимир-князь:
«Что, Сухмантьюшко, не ешь, не пьешь,
Что не ешь, не пьешь, не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь
15 И ничем в пиру не хвастаешь?»
Говорит Сухмантьюшко Одихмантьевич:
«Я поеду за Непру-реку,
Привезу тебе лебедь белую, некровавлену.
А тогда я и похвастаю!»
20 Садился на коня своего доброго
Да поезжал к Непре-реке.
Глядь — течет Непра-река не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему.
Стал Сухмантьюшко Непру-реку выспрашивать:
25 «Что течешь, Непра-река, ты не по-старому?»
Отвечает мать Непра-река:
«Стоит за мной, за Непрой-рекой, сорок тысячей,
Сорок тысячей злых татаровей.
Они мост мостят с утра до ночи.
30 Намостят они в день — а я в ночь вырою.
Из сил уж я выбиваюся!»
Садился Сухмантьюшко на добра коня,
Мать Непру-реку он перескакивал.
Не мочил копыт его добрый конь.
35 Подъезжал Сухмантьюшко ко дубинушке,
Ту дубинушку за вершинку брал,
Стал дубинушкой той помахивать:

- Махнёт, махнёт — станет улица,
А отмахнёт назад — переулочек.
- 40 Всех побил татар до единого.
Убежало ли три татарчѣнка,
Под кусточком, под ракитовым, схоронилися,
Из-за кўстика стрелки пўстили
Во его в бока, в тело белое.
- 45 Он убил этих трёх татарченок.
Листьем маковым позатыкивал
Свои раны он глубокия,
Затем садился на добра коня
И поезжал ко князю ко Владимиру.
- 50 Говорит ему Владимир-князь:
«Что не привез ты мне, Сухмантьюшко,
Лебедь белую, да не кровавленую?» —
«Ох, Владимир-князь красно солнышко!
Приходилось мне за Непрой-рекой не до лебедей:
- 55 Повстречалась мне сила ратная,
Сорок^а тысячей злых татаровей,
Злых татаровей — шли на Киев-град».
Не поверил Владимир-князь.
Он велел отвести его в погреба глубокие,
- 60 А сам поехал ко Непре-реке.
Увидал Владимир-князь силу ратную,
Сорок тысячей — вся побитая.
Приезжал Владимир-князь в свои полаты белокаменны,
Велел Сухмантьюшко привести к нему.
- 65 «Соберу тебе, Сухмантьюшко, почестен пир.
Ты бери с меня казны, да сколько надобно!» —
«А не надо мне, Владимир-князь, золотой казны.
Не умел меня ты в пору миловать,
Да не умел меня ты в пору жаловать.
- 70 А теперь тебе не видать меня!»
(*И уехал проч.*^б)

---

^а В ркп числительное обозначено цифрой.

^б В ркп первоначально «прочь», но «ь» зачеркнуто.

№ 2

(*Пировали:*)

Собрались князи-бояра,
Напились-наелись, да приросхвастались,
Стали хвастать силой богатырской.
А Владимир-князь по горенке похаживает,

- 5 Таковы слова да выговаривает:
«Ты зачем, Сухмантьюшка, не ешь, не пьешь,

- Белой лебеди-ко ты не рушаешь,
 Да ничем во пиру ты не хвастаешь?»
 А говорит тут Сухмантьюшко Одихмантьюшко:
- 10 «Мне ничим-ка теперь похвастати.
 Буде тем я похвастаю,
 Что я поеду-ка ко Непры-реки
 Да привезу я вам лебедь белую,
 Лебедь белую — да не кровавленную!»
(Живьём, в руках.)
- 15 Вот приехал Сухмантьюшко ко Непры-реки,
 Мать Непра-река течет да не по-старому,
 Не по-старому, да не по-прежнему:
 Что вода с песком да помутилася.
 А за Непрой стоят цело войско злых татаровей.
- 20 «Они мост мостят с утра до ночи.
 Они день мостят — а я ночью вырою».
 Тут белу сосну он да с коренья рвал,
 Снизу доверху да белый сок бежал...
(Он на пиру говорил:)
 «Я махну вперед — да стане улица,
- 25 Отмахну назад — да переулочки!».
*(Он хвастал: так дрался — так лебедь не привёз.
 Его уж стали забрали.)*
 Тут Сухмантьюшке да не поверили.
 Они брали его за белы руки,
 Отводили его в темницу тёмную.
(Он затем им показал:)
 «Посмотрите-ка у меня раны глубокие!
- 30 Когда кровь у меня из ран ручьём текла,
 Так рвал я листья маковы
 Да затыкал те раны глубокие».
*(Тут его и отпустили, поверили. И пошли с войском...
 А дальше я не знаю!)*

Дунай и Настасья-королевна

№ 3

- Ходил-гулял Дунаюшко из Земли в Землю,
 Из Земли в Землю, да из орды в орду.
 Вот пришел Дунаюшко к королю в Литву.
 Поставил его король на конюшен двор.
- 5 Перво три года жил он конюхом,
 Потом положил князь его на новы сени,
 На новы сени — присенщиком.
 Три года служил он присенщиком.
 А король любил его да добром жаловал,
- 10 А короля жена — да паче короля.

- А Настасья-королевична — да во душе держит.
 И собирается у князя почестен пир.
 И походит Дунаюшко на почестен пир.
 На походе Настасья-королевишна ему указыват:
 15 «Не ходи-ко ты, Дунаюшко, да на почестен пир!
 На честном пиру все поедя,^a попьют,
 Все попьют, покушают — да станут хвастати.
 И ты похвастаешь мной, да красной девушкой!»
 На пиру-то все поели, попили.
 20 Поели, попили — и стали хвастати.
 Один хвастае да золотой казной,
 А умной хвастае да старой матерью,
 А безумный хвастае да молодой женой.
 А иной хвастае да силой богатырскою.
 25 А Владимир-князь по горенке похаживает,
 А таковы слова да выговаривает:
 «А что же ты, Дунаюшка, не ешь, не пьешь,
 Белой лебеди ты да не рушаешь,
 Да ничим в пиру да не хвастаешь?»
 30 Вот и молвит тут Дунаюшко:
 «А ничем мне теперь и хвастати!
 Нету у меня да золотой казны,
 Да нету у меня и молодой жены.
 Вот ходил я, Дунаюшко, из орды в орду,
 35 Из орды в орду, да из Земли в Землю.
 И принял меня князь да Кряковинский.
 Поставил [положил]^b меня князь да на конюшен двор.
 Первы три года служил я во конюхах.
 А другó три года служил я на новых сенях.
 40 А меня король любил да добром жаловал,
 А короля жена — да паче короля,
 А королевишна — в душе держит.
 День работаю я на новых сенях,
 А ночь сижу я у Настасьи-королевишны».
 45 Как возговорит Владимир-князь:
 «Ах вы, воры, да разбойники!
 Вы берите Дунаюшко за белы руки,
 Да ведите ко плахи ко кровавья,
 Да рубите буйну голову,
 50 Да вынимайте вы язык со теменью,
 А ретивó сердце со печенью —
 А полагайте вы на златó блюдо,
 А приносите вы да на почестен пир!»
 Повели разбойники ко плахи ко кровавья.
 55 Увидала Настасья-королевишна,
 Что ведут его ко плахи ко кровавые:
 «Ай же вы, воры-разбойники!
 А берите у меня злата, сколько надобно —
 А отдайте мне Дунаюшко!»

- 60 Да идите во царев кабак,
 Да купите там горьку пьяницу.
 Да ведите его на плаху кровавую
 И рубите буйну голову,
 Да вынимайте язык со теменью,
 65 Да ретивó сердце со печенью —
 И кладите на злато блюдо
 Да и несите на почестен пир»...
 А и стала Дунаюшко выспрашивать:
 «Есть ли у тебя, Дунаюшко, молода жена?»
 70 Отвечал ей Дунаюшко:
 «Есть у меня молода жена,
 Молода жена, да малы деточки». —
 «Да бери-ко, Дунаюшко, да добра коня,
 Да поезжай-ко ты да к молодой жены,
 К молодой жены, да к малым деточкам!»

^a Так в ркп.

^b Возможно, скобками собиратель отметил вариант исполнения, поправку исполнителя или же соотнес этот стих с б-м.

Соломан и Василий Окулович

№ 4

- Поехал Соломан-царь на заводи,
 Он стрелять лебедей-гусей
 Да^a серых утушек,
 Серых уток да перелетных.
 5 И колько^b той ночи ему спалось,
 А много во снах виделось:
 Сокатился со правой руки да золотой перстень
 Со того ли пёрста со мезёныша
 Да рассыпался на мелкие зернышки.
 10 Прилетали клевать эти зернышки
 Два черны^b ворона,
 Два черные заморски граючие.
 Оны клюют, да самы разговор ведут,
 Как у Соломана-царя жену отнять.
 15 Один ворон говорит другому:
 «А как же нам у живого мужа жену отнять?» —
 «Состроим три черня три корабля.
 На первый корабль кладем^b мы красна золота,
 А на второй кладём да скатна жемчуга,
 20 А на третий кладём птицу райскую —
 Будет песни петь она заморские».
 Тут и приехали корабли во гавань-то корабельную.
 И стали ей поклоняться:

- «Ты царица Соломатица!
 25 Пойди посмотри наших товаров заморских!»
 Первые послы со двора не сошли —
 А другие послы на двор пришли:
 «Ты поди-ко ты, поди на наши корабли
 Посмотреть наших товаров заморских!»
 30 И пошла царица Соломатица.
 И взошла она на первый корабль —
 Увидала там красно золото.
 И не могла она думушкой подумати.
 А на второй корабль взошла —
 35 И увидала там скатный жемчуг.
 И не могла она думушкой подумати.
 А на третий корабль она взошла —
 Там поет песни птица райския^Г
 Про того ли Василья сын Окуловича.^Д
 40 Она под ту песню и уснула крепким сном.
 Подымали якоря булатные,
 Да распущали паруса полóтные,
 И отправились во синё море.
 Так русская земля потаилася —
 45 А немецкая земля да показалася.
 А вот приехал, воротился Соломан-царь.
 И пошёл он со своим флотом вслед.
 Оглянулся Василий сын Окулович:
 «Поглядите-ко, — сказал, — сзади не орлы летят,
 50 Не орлы летят да не пшено клюют,
 Не пшено клюют да со пшеницею»...
 (Это Соломан-царь их в море и победил. Бой сделали.)

^а В ркп первоначально «Лебедей-гусей да», но «Лебедей-гусей» зачеркнуто.

^б Так в ркп.

^в Возможно, «кладем» вместо «кладём» — следствие скорописи (ср. стихи 19, 20), как и в других случаях фиксации «е» вместо «ё».

^Г В ркп «и» из «а»: прилагательное относится к существительному «песни», а не «птица».

^Д Далее в ркп зачеркнут стих: «Она под эти песни райские».

Иван Годинович

№ 5

- «Ты чего, чего племянничек, не женишься,
 На кого же ты, племянничек, надеиссе?» —
 «Мне молода взять — да вся корысть чужа,
 Мне подслéпа взять — да за батог водить,
 5 Мне-ка стару взять — да на печи лежать,

На печи лежать да киселём кормить,
 Киселём кормить да молоком поить!»
 Одеваючи, да отправляючись,
 Отправляючись да во чистó поле.
 10 Во чистóм поле да кудрева стоит,
 Кудрева стоит — да дым столбом валит.
 Он приехал ко крыльцу^а
 И привязал коня да к золоту кольцу.
 Он по лестовкам идёт — да подгибаются,
 15 Он по сеничкам идет — да сени дыблются,
 Сени дыблются да новы́ колыблются.
 Он в палату-ту зашёл — палата покачалася,
 Как у окон ставники да покосилися,
 На столах питьё-яденье расплескалося.
 20 «Я не вор пришел да не разбойничек,
 Я о том дели́ пришел — да я об сватовстве!» —
 «Как моя-то ведь Аксеньюшка просватана
 За того купца да за богатого —
 За Идóлища да за проклятого!
 25 Как сидит моя Аксенья под сорока замков,
 Под сорока замков да всех шурупчатых:
 Чтобы буйныя-то ветры не провели,
 Чтобы красное-то солнце не просвётило».
 Тут садится на коня да добрый молодец,
 30 Подъезжат-то доброй молодец к замку, к високу крыльцу.
 Привязал коня да к золоту кольцу.
 (Как приехал)^б —
 Он сломал замки да все шурупчаты,
 Он как брал свою Аксенью за белы́ руки,
 Целовал свою Аксенью в сахарны уста,
 35 Посадил свою Аксенью да на добра́ коня.
 Они ехали-поехали — Аксеньюшка спроговорила:
 «Пора с коня вставать, да кóню вздох давать,
 Коню вздох давать, шатёр растягивать!»...
 (Вот он не послушался её — а потом их настиг этот
 купец, Идóлище, и битва какá была. Отнял он её.)

^а В ркп: «...он приехал ко крыльцу...» — неясно, был ли этот стих сказан или неполностью зафиксирован.

^б Взятые в круглые скобки сочетание зачеркнуто: скорее всего, пение было прервано этими словами, а затем продолжено.

№ 6

Жил был дядюшка с племянничком.
 Захотелось дядюшке племянничка жени-то:
 «Ты чего, чего, племянничек, не женишься?
 На кого же ты, племянничек, надеишься?»

- 5 Тут спроговорит племянничек дядюшки:
«Мне-ка стара взять — дак на печи лежать,
Мне подслёпу взять — дак за батог водить.
Мне молóду взять — так и чужá корысть».
Только видели племянничка съезжаючись,
10 Они видели: да отправляючись,
Только видели, как на коня-то сел,
А не видели, как от двора пошёл...
*(Он невесту искал, Евфросинью каку-то,
королеву какую-то.)*

Чурила и Катерина
[Алёша и Катерина]

№ 7

- Как жил да был Ермил судáрь Васильевич.
У его была жена Катерина Микулична.
Как уйдёт Ермил да во Божью церквú —
Так пойдёт по улице Алёшенька Попович млад.
5 На его бабы глядят — так косяки трещат,
На его девки глядят — дак кулаки грызут.
Есь посмотрят на Алёшу на Поповича:
У Алёши брови — бúди sóболи,
У Алёши очи были — sóколы,
10 У Алёши ли́цо — бúди маков цвет,
У Алёши шубочка — да видь хорошá-дорогá,
(Поповский сын, дак!)
У Алёши тросточка — чистóго серебра.
Есь посмотрят на побýки богатырские.
Увидала его Катенька Микулична:
15 «Гостите-ко к нам, да Алексей-судáрь!
Моего-то Ермила его дома нет,
Ушёл Ермил да во Божью церкву.
У меня на столи да самовар кипит,
Во теплые лóжичка кроватовцы стоит,
20 Ишá кровать стоит, перинца пуховáя».
На вышке дома жила девка Ермила молодая.
(Монашина жила там.)
Увидала она Алешеньку Поповича:
«Какой это, — говорит, — кобёлъ на крыльцо бежит?
Какой это кобель во кольцо стучит?»
25 А инó к Катеньке в гости Алексей-судáрь!»
Она ли́стовку кинáла под высóк терём,
Она шубочку накинёт на одно плечо,
Она башмачийшка надёрнет на босú нóгу —
(Торопится мужу сказать, дак!)
Прибежала девка ко Божьей церкви,

- 30 Она в церкву-то вскочила — начал не кладёт,
Большому-то она не кланяется,
Она миру-то, народу, не устыжается.
«Где-ка тут Ермил да Богу молится?
Во своём дому беды не ведает:
- 35 У его в дому гостит Алёшенька Попович млад,
(Всё при народе-то и говорит, при публике.)
И сведён Алёша во покои во особы!»
И тут Ермил он из церкви вон,
Побежал к своему ко подворьюцу.
Он шаг шагнул — на рундук скочил
- 40 Во тёмные да во прихожие.
Встречает его Катенька Микулишна:
Она боса, она нага, раздетая.
И пошёл Ермил в спальню-горницу —
А на кровати спит Алёшенька Попович млад.
- 45 И срубил Ермил ему буйну голову!
*(А прежде срубил, так и ничего не было.
Теперь-то срубит...)*

Козарин

№ 8

- У города было Берёзова
У того Петра да Карамышева
Воспородила жена сына.
На роду его попортили,
5 Свет Петровича пошкотили,
Отдали ко бабушке ко задворенке.
Она растила его да двенадцать лет.
Стал Казарин по улицам побегивать,
Он кого за ручку хватит — у того и ручка проч.^a
- 10 Стали его ребяташки побранивать:
«Ох ты, выблядок, да заугольщина!»
Стал он у бабушки выспрашивать:
«Чьего я роду и племени?»
Стала она высказывать:
- 15 «На роду тебя попортили,
Отдали ко мне, бабушке-задворенке.
Ты из города Берёзова,
Того Петра да Карамышева».
(Какой князь был.)
Вот он и поехал к родителям.
- 20 Приняли его родители обратно...
(Не помню больше ничего.)

^a Так в ркп, ср. примеч. б к тексту № 1.

**Исцеление Ильи Муромца + Илья Муромец
и Соловей-разбойник**

№ 9

Илья Муромец не ходил, до тридцати^а годов всё сидел.

Ушли на сенокос отец да мать. Пришли старушки, пить запросили. Он говорит: «Я не могу ходить!» Спустились в подвал, ему говорят: «Поди спустись в подвал, там питьё есть!»

(Дедушка-то стисывал все эти стихи, да тетрадь потеряна, дети изорвали.)

Они зачерпнули и выпили, и ему дали, «Испей, — говорят, — Илья Муромец да сын Иванович!» Он испил. Они спросили: «Имеешь ли силу?» Он говорит: «Я силу имею такую, что землю переверотить!» Да ему дали ещё. «Теперь наполовину меньше, теперь убавили сил!»

Родители пришли — а сын ходит на ногах, и обрадели, что сын заходил. Он и рассказал, что такие-то старушки были, они пить дали.

У отца, у матери запросил благословения. «Дайте мне коня, — говорит, — куда смогу, туда и поеду». Отец с матерью не спускали: «Куда ты поедешь? До тридцати^а годов сидел!» А он им ответил: «Не дадите благословения — так поеду!» Они и дали благословение.

Приехал — три^а дороги: первая дорога — женатому быть, вторая дорога — убитому быть, а третья — богатому быть. Он поехал в ту дорогу, где живому не быть. Ни конному, ни пешему нельзя было проходить: нечиста сила непроходимая была. Он всю её избил.

Едет. А этот Змей сидит на семи дубах и на семи верстах. Змей зревел — да конь на колени пал у Ильи. Он коня щёлкнул: «Ах ты, волчья сыть, да собачья стать! Не слышал ты посвисту змеинного, а голосу зверинного!» Стрелил — и попал в глаз. Привязал этого Змея ко коню, к стремени — и повёз.

Вот мимо змеиного-то дому везёт — вышли дети и говорят: «Матушка, раньше-то батюшка мужиков возил, а нынче отца-батюшку мужик везёт!» Она и вышла: «Отдай, говорит, я како хочешь имение отдам!» Он говорит: «Не дам! Я повезу в Киев Владимиру стольне-киевскому показать»...

---

^а В ркп числительное обозначено цифрой.

БАЛЛАДЫ

Дмитрий и Домна

№ 10

- Жила-была Домна Александровна,
У ей дочь была да Домна Фалилеевна.
А сватался к ней три года Митрей Васильевич.
А подруга у ней была Настасья Васильевна,
5 Митрея-князя Васильевича сестра.
Домнушка да Фалелеевна.
А сидела она да во комнатке.
Проезжал тут Митрей Васильевич.
А уж он брал тут снежку, да снегу белого,
10 Снегу белого, да снежку пушистого.
Уж он бросил, кидал ей в окошечко —
Он разбил-пробил ей околелку.
(*Думал пошутить, однако — не сломать.*)
Бросалась Домнушка она по плеч в окно,
Она по плеч в окно, ровно по поясу.
15 «Ещё этот ли да Митрей-князь?
Ещё этот ли Васильевич?
А сказали: он хорош-пригож,
Он хорош-пригож, лучше на свете и нет!
А головища у его — да как овинища,
20 Ручища — ^абыть да ^бграблища,
Ножища — быдто вилища,
А глазища — будто лошадиныя!»
А ёму, Митрею-князю, да пало бесчашно,
А Васильевичу да пало заслушно
(*Заинтересовался, знать.*)
25 Вернулся Митрей-князь да от заутрени,
От заутрени да от Христовския —
Он сказал своей сестрицы Настасье Васильевне:
«Ты сестрица родимая!
Собери-ко пир да созови на пир
30 Свою подругу Домнушку да Фалилеевну.
Она так меня да опозорила —
И плохима словами обзывает меня.
Я хочу я её да за себя замуж ей взять!»
Вот первы звы да ко двору пришли:
35 «Уж ты Домнушка, пожалуй, да Фалилеевна,
Зовет тебя Настасья Васильевна да на почёсный пир!»
А первы звы от ворот ещё не успели уйти —
А други звы ко двору успели придти:
«Уж ты Домнушка, пожалуй, пожалуй, не задерживайся,
40 Ты пожалуй к подруги на почестный пир!
Приглашает тебя Настасьюшка да на почестен пир». —

- «А я уж знаю, знаю всё: она меня зовё^в да не на почестен пир —
А она хочет меня ведь заму́ж взять,
Замуж взять за брателка!»
- 45 Это так дело не сбудется, это так у нас не сложится.
Выходила она да на крылечико,
Впрягала жеребца она, запрягала неезженного,
А в корету садилась да в чёрную.
А тогда она садилась, поехала.
- 50 А ей сказала родимая матушка:
«Я сегодня во сне видела: потеряла я крест серебряный —
Потеряю я тебя, Домнушку да Олесандровну!»
А распростилась она со родимой матинкой
А она да на вечный век.
- 55 Распростилась она, да поклонилась.
А её матинка провожала далеким да далекешенько.
И приворачивала она во кузницу:
«Ой вы, кузницы, да вы кузницы!
Вы скуйте мне-ка три ножичка,
60 Три булатных, да три стальных».
Тут сковали ей три ножичка,
Три ножичка, три булатных.
А у ней одевать-то было всё невидное,
Всё невидное, да всё незаметное.
- 65 Подъезжает Домнушка к палаты белокаменной —
А все собаки на цепях да залаяли,
Все залаяли они да забаяли:
«Вот идё, идё да всё укладница,
Всё укладница идё, да переводница».
- 70 А ступила она в комнату,
А Настасьюшка Васильевна встречает уж ей:
«Уж ты Домнушка, пожалуй, да Фалилеевна пожалуй!»
Раздевает её да принимает её.
А на печи старуха забаяла,
- 75 Забаяла, да как залаяла:
«Вот пришла, пришла укладница,
Да вот пришла переводница!»
Вот ступила в палату белокаменну.
А сидит Митрий-князь Васильевич
- 80 Да за дубовым столом да за новеньким
Да на камышевом да на стульчике
Да прями зеркальца да прями заморского.^Г
Да тут все гости её принимать хотят.
Да тут Митрий-князь ей во всю спину кланялся:
- 85 «Ты пройди, пройди, Домнушка, за дубов стол,
За дубов стол, да на камышевый стул!»
А вынимала Домнушка, а видь никто не заметные,
Она три ножичка, да три булатные.
И бросалась она на ножички и на булатные.
- 90 Она речь сказала, да речь спромолвила:

«Не достанься, тело бело, Митрию-князю на порыганье,
Да Васильевичу на издевание!
А достанься, тело белое, да мать сыру землю,
Мать сыру землю да в гробову доску».
⁹⁵ Тут и гости все переполохались,
Оны все тут испугались,
И о чем оны не догадались:
Это что тако с подружкой сделалось?
Тут подружка Настасья забегала,
¹⁰⁰ Она забегала, заволновалася,
Забегала, испугалася.
Полагали тут в карету в черную,
Отвозили Домнушку да Фалилеевну
Да ко родимой матинки, да Домне да Олександровной.
¹⁰⁵ Да родима мати она ведь плакала,
А Настасью Васильевну да проклонила тут.^д

---

^{а-б} Так в ркп, но, возможно, было пропето «быдъта» (т. е. «будто»), ср. следующие два стиха.

^в Так в ркп.

^г Далее в квадратных скобках указан вариант стиха: «Прямь его стоит заморско зеркальце».

^д При повторном исполнении конца баллады, как указано собирателем, вместо последних двух строк были сказаны другие:

«Да померла твоя да доченька!»
Она-ко тут да расплакалась.
Да упала к ей на белую грудь:
«Ты скажи, скажи, родная дочь!..»
А уста у ней уж загранилися,
Загранилися, не шевелилися.
Схоронила матинка во сыру землю,
Во сыру землю; да поклонилася.
А с тех пор она да осердилася.

№ 11

Сватался Митрий Васильеич да по три года.
На четвертый год только свадьбы быть,
Только к венцу пойти да овенцетисе,
Случилосе Митрию к заутрени
⁵ Васильевичу ко воскресенские.
Мимо ту ли идет палату белокаменну —
Мимо Софьи Никулишны,
Мимо Домны Фалилеевны.
А бросалася Домнушка по плеч в окно,
¹⁰ Фалилеевна по поясу:
«Сказали про Митрия: хорош и пригож,
Про Васильевича — краше свету нет!

- У его ноги кривы́ да глаза косы́,
А голова — как пивной котёл,
15 Он сутул-горбат, да наперед поклоп,
Русы волосы — кольё заонесское,
А речь — гово́рья корельская!»
Воротился Митрий от заутрени
Васильевич от воскресенския.
- 20 Приходит к сестры да Марье Васильевны:
«Ой ты ой еси, сестра Мария Васильевна!
Ты собирай-ко стол пировать.
Да зови Софью-то Микулишну
Со той ли Домной с Фалилеевной.
- 25 Скажи: брателка Митрия дома нет,
А Васильевича не <с>лучилосе:
Он ушел да в лес полесовать
За куницамы, да за лисицамы,
За всякима за разныма птицамы».
- 30 И приходит звать Марья дочь Васильева:
«Ты пойдём-ка, Софья дочь Микулична,
Со той ли Домной Фалилеевной
На почестен пир!
У мя брателка Митрия в доме нет:
- 35 Он ушел-ка в лес полесовать
За куницамы, за лисицамы,
За всякима разныма птицамы».
Не спускает Софья Микулична
Свою дочь Домну Фалилеевну:
- 40 «Мне ночесь мало спалось, а во снах виделось:
Ты оставила с правой руки злачён перстень,
А со белой груди чудесный крест!»
Не послушала Домна свою мать,
Набело-то стала умыватися,
- 45 Снарядно́-то стала снаряжатися.
Умёршо-то платьице на низ кладёт,
А кристовско-то^а платьице в середоцке,
А воскресеньское-то платьице на самый верх.
Пришла, отворила двери на́ пяту —
- 50 Крест-от кладёт по-писа́ному,
Поклон ведёт по-учёному:
«Ты здорово живешь, да Марья дочь Васильевна!» —
«Приходи-ко, до́бро жаловать, Домна Фалилеевна!
Ты садись-ка поди да во большой угол».
- 55 А выходит Митрий да из-за за́весы
А Васильевич из-за узорчатой,
(Он, вишь, ухоронился омманом!)
Наливает чару зелена вина
Да выпивает до самого-то дна.
А наливает чару красного вина
- 60 И подносит Домны Фалилеевны:

- «Выпей-ко от сутулого, да от горбатого,
 От ног-то кривых, да от глаз-то косых,
 От головы-то — да от пивного котла,
 От русых вóлосов — кóлье заонесское,
 65 От речи-говóри от корельской!»
 Тут Домнушка да испугалася:
 «Ты вой еси, Митрей сын Васильевич!
 Ты спусти меня на круто красно крылецко
 С белым светом расставатися,
 70 А с отцом-матерью да розвидатися!»
 И вышла на крыльцо красное.
 Сходила Домна во кузницу,
 Сковала Домнушка два ножицька,
 Два ножицька два булатные.
 75 Пошла да во чисто поле.
 Клала она тупым концом да во сырú землё,
 А вострым-то концом да в ретиво сердце:
 «Не достанься, тело белое,
 Ни(и)^б сутулому, ни горбатуму,
 80 Ни ногам кривым, да ни глазам косым!
 А достанься, тело белое,
 Чёрным вóронам на слётъше,
 А серым волкам на сбéишшо!»^б
 А выходит утром рано мать,^г
 85 Поглядела в чисто поле:
 «А чего они, чёрны-то вороны, слетаются,
 А серые-то волки сбегаются?»

И пошла она в чисто поле. Пришла — дочь погибла на ножиках. Вороны расклевали, а серы волки растаскали. И сама-ко погибла, на те же ножи пала!

^а Можно прочесть и «христовско-то».

^б В ркп «Ни и»; считаем, что нелогичное в данном контексте появление союза «и» — результат продолжительности предыдущего звука «и», если, разумеется, это не описка при перебеливании полевой записи.

^в В ркп «збéишшо»; от «сбегаться», «з» — результат ассимиляции согласных.

^г Этот стих в ркп отмечен круглыми скобками: либо он был сказан (а остальное пропето), либо он представляет собой поправку исп.

№ 12

- Как и пошел^а наш Митрий ко заутрени,
 Свет и Васльевич ко Воскресеньския,
 Ко Воскресенския, ко Вознесенския.
 Увидала его Домна да Фалелеевна
 5 Из того окна да из косищатого:

- «Не этот ли, маменька, Митрий-князь,
А не этот ли, маменька, свет Васильевич?
Он сутул-горбат, а наперёд — поклоп,
Ещё ноги-то кривы, да что и глаза косы,
10 Голова у него — да как пивной котёл!»
Воротился-то Дмитрий он от заутрени,
От Вознесенския, да от Воскресенския.
Пришёл наш Митрий к сестрице, ко Марье Васильевне.⁶
«Собери-ко ты, сестрица, стол-почестен пир!
- 15 Созови-ко-сё ты подружечек,
Созови-ко да Домну Фалелеевну.
Ты скажи, сестрица: да брата дома нет.
Он ушел^а у нас да в лес полесовать
За куницамы, да за лисицамы,
20 За медведямы, да за злодэямы».
- Пошла Марьюшка ко Домне да Фалелеевне.
«Уж пойдём-ко, Домнушка, на девинный стол,
На девинный стол, да на почестен пир!
Тут уже Митрия да-ко дома нет.
- 25 Как ушел^а наш Митрий в лес полесовать
За куницамы, да за лисицамы,
За медведямы, да за злодеямы».
- Одевалася Домна да Фалилеевна,
Да снаряжалася да ище Домнушка.
- 30 Тут и спроговорит маменька родимая:
«Ты куды, куды да снаряжаишься,
Ты куды, куды, да Фалелеевна,
Ты куда у нас да отправляишься?»
- Тут спроговорит Домна да Фалилеевна:
35 «Похожу я ведь да на почестен пир».
- Тут и спроговорит маменька родимая:
«Я ночесь малó спала — да много видела:
Потеряла я с руки да свой злачён перстень,
Потеряла я с груди да крест серебряный!»
- 40 Не спроговорит Домнушка матери ничего.
Одеваится Домна да Фалилеевна,
Одеваится, да снаряжаются,
Вознесёнское платьице на низ кладёт,
Подвинесьное платье на верх одинё.
- 45 Воскресеньское платье наверх кладёт.
А и пошла Домна да Фалелеевна.
Счо идет по лестовкам — лестовки дыблются,
Что по сеничкам идёт — сени колыблются,
Как зашла в палату — палата покачалася.
- 50 Тут спроговорит Митрей да что ль Васильевич:
«Приходи-ко, Домна да Фалелеевна,
Ко ногам кривым, да ко глазам косым!
Голова-то у меня — да чугунная,
Да поговóря-то у меня — да речь корельская».

- 55 Тут ведь Домнушки да за беду сталó,
 Фалалеевны да за великую.
 Повернися Домна да Фалалеевна,
 Она сходит, Домнушка, во кузницу.
 Тут скуют Домнушки да ей три ножичка,
 60 Ей три ножичка да три булатного.
 Она тупыма концами — да во сыру землю,
 А востры конца — да к ретиву сердцу!
 Тут падёт Домна да на сырú землю:
 «Не достанься, моя молодость, Митрию Егоровичу!»
 (Дальше не мать ли как-то приходила...)

^a Возможно, «е» вместо «ё» в слове — результат машинальной записи соб.

^b Первоначально было пропето (или сказано): «Егоровне», затем исполнительница, видимо, поправилась. В ркп зафиксировано «Егоровне», рядом в круглых скобках «Васильевне».

№ 13

Что-й пошёл Димитрий к честной ранней заутрени.
 Увидала из окна да Домна Фалалеевна:
 «Что и сказали про Митирия: хорош-пригож,
 Про Митрияновича — да его лучше нет!
 5 Что и ногй кривы́, да всё глаза косы́,
 Ещё кудерцы да заонежские,
 Поговорочка да всё корельская!»

Что услышал эти слова Димитрий Митриянович. Пришел от
 заутрени и сказал матери, чтобы собрала пир. «Собери, — гово-
 10 рит, — чесной пир да созови Домну Фалалеевну!»

Скажи, что Димитрия да дóма нет,
 Митрияновича да не случйлося:
 Что-й уехал Димитрий за куницами,
 За куницамы, да за лисицамы,
 15 За медведямы да за злодеямы».
 Тут собрала матушка почестен пир,
 Созвала и Домну Фалалеевну.
 Вот Димитрий на полати затенýлся...^a
 (Не знаю, как поётся тут.)
 Приходит Домна Фалалеевна на почестен пир.
 20 Поздоровалась (уж не знаю, как), а Димитрий заговорил
 с полатай:
 «Приходи-тко, Дóмна Фалалеевна,
 Ко ногам кривым да ко глазам косым,
 Что кудерьям да заонежским,

- К поговóрюшке да всё корельские!»
25 Ей не понравилось, так она ушла — и закололась, говорят.
(Только эти слова помню. Стыдно ей показалось!)

^a Стих не спет, а сказан.

№ 14

- Жил-был Митрий-князь да свет Васильевич.
Он сватался на Домны Фалилеевной
Да по три года, по три осени —
На четвертый год лишь бы свадьбы быть,
5 Лишь бы свадьбы быть, да лишь к венцу идти.
А пошёл Митрей-князь ко заутрени —
А бросилась Домнушка по плеч в окно,
По плеч в окно, да ровно по поясу:
«А не этот ли, матинка, есть Митрий-князь,
10 А не этот ли есть свет Васильевич?
А голова-то у него — да как овинища,
А глаза у него — как коровища,
А ножища-то у него — быдто вилища,
А ручища — быдто граблища!»
15 Это Митрею-князю во слух пало,
Во слух пало, да за беду пришло,
За беду пришло да не за малую.
Пришел Митрий-князь да от обеденки.
Говорит сестре он Марьюшке:
20 «Собери-ко ты, Марьюшка, почестен пир!
Да не зови-ко не попов, не дьяконов —
А зови подружек-названушек
Да позови во-первых Домну Фалилеевну».
Вот первы звы на двор пришли:
25 «Ты пожалуй-поди, Домна Фалилеевна,
Да спусти, спусти, Софьюшка Никулишна!»
Первы звы со двора не сошли —
А другие звы на двор пришли:
«Ты поди-ко, поди, Домна Фалилеевна,
30 Да спусти-ко, спусти, Софьюшка Никулишна,
К Марьюшке к подружке на почестен пир!
У ей брата, Митрия-князя, право, дома нет,
Да свет Васильевича да не случилось:
Он ушел да за охотамы,
35 За куницамы да за лисицамы,
Стрелять-палить малых утушек».
Вторы звы со двора не сошли —
А третьи звы на двор пришли:
«Ты поди-ко, поди, Домна Фалилеевна,

- 40 Да спусти-ко, спусти, Софьюшка Никулишна!»
 Да походила тут Домна Фалилеевна
 К Марьюшке к подружке на почестен пир
 Говорила ей тут мать родна:
 «Мне не много-ко нынче спалось,
 45 А много во сне виделось:
 Потеряла я со шеи крест серебряный —
 Да потеряю я тебя, Домна Фалилеевна!»^а
 Пошла Домнушка на почестен пир.
 Подходит Домна Фалилеевна
 50 Ко широким воротам — ^бкнязю Митрею.^б
 А стоят у ворот да приворотнички:
 «Это ли есть Митрея-князя укладница,
 Да это ли есть его переводница,
 Да это ли есть цепной кобёл?»
 55 И ступила она в палату белокáменну —
 Да вот и сидит тут сам Митрей-князь.
 И заговорила тут Марьюшка-подружка:
 «Это ли есть Митрея-князя укладница?»
 (Оны ведь сватают, так ничего не знают!)
 Повернулась Домна Фалилеевна,
 60 И пошла она да во чисто поле —
 На три ножичка булатные бросалася.^г
 (Мать-то ей не спускала. Ну, она им хоть худо
 сделала — так и они ей тоже худо!)

^а Далее в ркп зафиксирован спор между исполнительницей и «подсказывавшими» ей женщинами: «Три креста, да три серебряных!» — «У ей одна дочь была, не три!»

^{б-в} В ркп отмечен вариант исполнения: «ко Марьюшке».

^г В ркп отмечен вариант исполнения: «И бросилась на три ножичка булатные».

№ 15

- Сватался Митрей-князь он на Домнушке
 По три года да по три осени —
 На четвёрту осень только свадьбы быть,
 Только свадьбы быть, да только к венцу пойти.
 5 Пошёл Митрей-князь да ко заутрени,
 Ко заутрени ко воскресеньския.
 А бросалась Домнушка по плеч в окно,
 Фалелеевна да по поясу:
 «Вот не этот ли, маменька, есь Митрей-князь?
 10 Вот не этот ли, сударыня, Васильевич?
 У его глаза косы, ноги кривы,
 Поговóра у его всё корельское,
 А он сутул-горбат, да наперёд покляп!»

- А эти речи Митрею во слух пришли,
15 Во слух пришли, да за беду стали.
Домой пришёл:^а
«Собери-ка, маменька, стол-почестен пир,
Созови-ка Домну Фалилеевну!
Скажите, что Митрея-князя дома нет,
20 Не случилось, да не пригодилось:
Ушёл Митрей-князь да за лисицами,
За лисицами, да за куницами».
Вот первы́ послы да на двор пришли:
«Приходи-ка, Домна Фалилеевна,
25 На почестен пир, да за девичий стол!
А у нас Митрея-князя и дома нет,
Не случилось, да не пригодилось:
Ушёл Митрей-князь за лисицами,
За лисицами, за куницами,
30 За медведямы, да за злодеямы».
Мать-то ей не отпускает:^а
«Не ходи-ко, Домна Фалилеевна!
Мне-ка ночесь спалось — да много виделось:
Сокатился грозен крест да со белых грудей».
35 А Домнушка мать не слушает,
Собирается на почестен пир:
Побелёшеньку Домна да умывается,
Почищёхоньку Домна да снаряжается.
Пошла она, Домна Фалилеевна.
40 Как открывает двери-то^б —
А Митрей-князь во большом углу сидит.
«Приходи-ко, — говорит, — Домна Фалилеевна,
Небыванная, да долгожданная,
Ко сутулому да ко горбатому,
45 Ко глазам косым, да ко речам ко корельским!» —
«Отпусти-ко мне домой сходить!» —
«Хоть куда хошь ходи — да только моей слови^в!»
Домой пришла...^а
Сковала она два ножичка.
50 И упала на эти ножички,
И решила она сама себя.

^а Стих сказан.

^б Далее в квадратных скобках, вероятно, пояснение соб.: «Домна Фалилеевна».

^в Т. е. «слыви».

№ 16

Сватался Митрий по три года,
Васильевич по три осени.
Тут случилася: Митрию к заутрени,

- Васильевичу к воскресеньския.
- 5 Бросалася Домнушка по плеч в окно,
Фалелеевна бросалася по поясу:
(*Сватался он.*)
«Сказали про Митрия: хорош-пригож,
Про Васильевича — краше в свети нет!
У его ноги кривы, да глаза косы,
(*Девка не хотела — дак захулила.*)
- 10 Речь — поговоря корельская!»
Те ему речи во слух палí,
Во слух палí, да за беду сталí,
За ту ли за просмешицу великую.
Воротился тут Митрий от заутрени
- 15 А Васильевич от воскресеньския
(*Не мог вытерпеть!*)
Да приходит ко палаты белокаменной,
Говорит сестры Софьи Васильевной:
«Собирай-ко пир на весь мир,
Зови-ко, зови Софью Микулишну
(*Тёщу.*)
- 20 Со той ли Домной с Фалилеевной!
Скажи-ка: у меня брата Митрия дома нет,
Васильевича не случилось:
Он ушел-то в лес полесовать,
Во чисто поле ушел поляковать —
- 25 За куницамы ушел, за лисицамы,
За разныма за всякыма за птицамы»...
«Не ходи ты, Домна Фалелеевна!
Мне ночесь мало спалось — во снях виделось:
Потеряла со белой груди чудён крест,
30 Со правой руки золотой перстень!»
Не послушала Домна Фалелеевна родной матери.
Умывалася Домнушка побелее,
Снаряжалася Домнушка снаряжднее
И приходит к палате к белокаменной.
- 35 Выходит тут Митрий из-за завесы,
Васильевич из-за узорчатой.
Наливает он чару зеленá вина,
Подносит Домны Фалелеевны:
«Ты прими-ко, прими от сутулого,
40 Ты прими-ко, прими от горбатого,
От глаз косых, да от ног кривых!»
(*Она выходила с угощенья.*)
Пошла в кузницу,
Сковала три ножичка.
Тупым концом клала в сыру землю,
45 А вострым — в ретивó сердце!
Мать-то ее и вышла на крыльцо и говорила,
Что чёрные вороны слеталися, а собаки сбегалися...

Сестра и братья-разбойники

№ 17

Жила-была молодá вдова,
А у вдовушки было девять сыновей,
Десятая дочь любимая.
Девять сыновей под разбой пошли,
5 Десятую дочь замуж выдали
По край мóря за морьяника.
Жили год, жили два.
На третий год стосковалася,
К матери в гости задаваласи:
10 «Пойдём, пойдём, марьяничек,
Ты к тёще, а я к братьям родным!»
Шли день, шли другой.
На третий день остановились,
Нарубили дров малёшенько,
15 Распустили дым тонёшенько...
Напали воры-разбойники:
Марьяника зарезали,
(*Мужжика-то её!*)
А марьяничка в воду бросили,
(*Сына-то!*)
А марьянинку во полон взяли.
20 И все спать легли. Один не спит.
Вот он стал у ей выспрашивать:
«Чьего ты роду, чьего племени?» —
«У царя было в доме девять сыновей,
А десятая дочь была любимая.
25 Девять сыновей во разбой пошли,
А десятую дочь замуж выдали,
Выдали замуж за морьяника
Жили год, жили другой.
На третий год стосковалася
30 И к матери в гости задавалася.
Шли день, шли другой.
На третий день остановились,
Нарубили дров малёшенько,
Пустили дым тонёшенько.
35 Напали воры-разбойники,
Морьяника зарезали,
А морьяничка в воду бросили,
А марьянинку во полон взяли».
Тут разбойник в ноги бросился:
40 «Ты прости, сестра родимая!
Вставайте, братья родимые,
Мы не морьяника зарезали —
Зарезали зятя любимого!

Мы не морьяничка в воду бросили —
45 В воду бросили племянника!
Мы не морьянинку во полон взяли —
А мы взяли в плен родную сестру:
Ты прости, сестра родимая!»
(Все в ноги бросились.)

№ 18

Были у короля девѣтъ сынков,
Девѣтъ сынков, девѣтъ разбойничков.
Зародѣлася у короля десята дочь
Настасья да королевична.
5 Что ей братьяца не возлюбѣли,
Не возлюбѣли — да во разбой пошли,
Во разбой пошли, да во разбойнички.
Они год жили, другой жили,
(Всею 13 лет)
Она выросла,^a да Марья, дѣбольша.
10 Ехали купци, купци-боярова.
Ещё выдали Марью за того купца,
За того купца, да за боярина.
Тут у их свадьба пирком-столком,
Тут-от день жили, оне другой жили,
15 Они нажили — домой поехали.
<О>не^b поехали — да день-от дѣ ночи.
Они день едут, они другой едут.
Их пристигла да ночка темная.
Они ведь день идут, да их пристигла ночь,
20 Ночка темная, да ночь осѣнная.
Тут раскинули шатѣр белой полотняной,
Уложили спать, да спать постелюшку,
Привязали коней всё — да призаспали.
Ещё Марьюшке да всё не спѣтися.
25 Вдруг не гром гремит, да вот не стук стучит —
Вдруг наехало девѣтъ сынков, девѣтъ братанѣицев.
Оне взели хозяина, конѣм стоптали,
Ещё Марьюшку к себе взели.
Все разбойнички да призазаспали,
30 А один разбойничек не спит — лежит,
Он не спит — лёжит да думу думает,
Думу думает, совет советует.
Он ведь спрашивает у Марьи...^b
Один разбойник, он не спит — лежит,
35 Он не спит, лежит да думу думает,
Ещё речь ведет да всё выпрашивает:
«Ты чьего роду, да чьего племени,
Ты откудашна, да откуда едете?»

- Тут спроговóрит Марьюшка-королевишьня,
 40 Тут спроговóрит, да тут времё...^в
 «Тут было у короля деветь сынков,
 Что деветь братанов, деветь родименьком.
 Зародилосе у короля десята дочь,
 Что десята дочь Настасья да королевисьня.
 45 Не возлюбили братаньца, во розбой пошли,^г
 Во розбой пошли, да во разбойнички.
 Дожила ведь Марьюшка до полных лет,
 Выдали ей за того купца, купца-королевиця.
 А домой поехали, их пристигла ночь,
 50 Их пристигла ночка, да ночка темная,
 Ночка темная, да ночь осённая.
 Тут оне-то роскинули шатёр белой полóтняной,
 Ложились спать да на постелюшку.
 Вдруг не гром гремит, да вдруг не стук стучит —
 55 Вдруг приехало деветь сынков, деветь разбойничков.
 Тут разбойнички да прироссорилися,
^дВзяли, убили у мя хозяина оне.
 (Выжила одна доченька!)^е
 А один-от брат да всех братов будит:
 «Вы родным-родные братаньца,
 60 Вы вставайте-ко-сь, вставайте-ко!
 Мы-то что-то сделали, да мы...
 У родной сестры убили хозяина.
 Мы-то зятюшка убили да сестру погубили!»
 Уж все тут схватились, да все заохали.
 (Они стали, да собрались, да поехали. Куды уж
 поехали — не помню уж.)

(Из разговоров присутствующих женщин:

«Как её не могли узнать?» — «Уж верно маленька была, родилась. Она росла — они уж были во разбойниках. Она их не знала, и они её не знали».)

^а Первоначально исп. спела: «Настасья», но затем исправилась. В ркп. помета соб.: «Имя исполн<ительница> путала».

^в В ркп «Не».

^в Исполнительница сбилась (примеч. собирателя).

^г Далее исполнительница пропела: «Не возлюбили Анастасию-королевичну», но тут же поправилась.

^{д-е} В ркп «Взяли, убили у мя хозяина, / Оне выжила одна доченька».

Князь, княгиня и старицы

№ 19

- Жил-был князюшка девяносто лет,
А взял княгинушку да двадцати пяти.
Жил с княгинею да ровно три года,
Ровно три года, да три осени.
- 5 На четверту осень князь гулять пошёл.
Он ходил-гулял ровно три года.
Ровно три года, ровно три осени.
(*Годы не без осени.*)
А на четвёрту осень князь домой пошёл.
(*Нагулялся.*)
- 10 Повстречались ему две старицы,
Две старицы, да две монашицы.
«Вы откуда идите, откуда путь дёржите?
Не видали ли мою княгинушку,
Мою кнегинушку да Катеринушку?» —
«Видали-то — не видали, а слыхом слышали
- 15 Про твою княгинюшку да Катеринушку.
Придешь,^a князюшко, на крылечико,
Поколотишься во колечико —
Придёт встречать тебя кнегинюшка,
Кнегинюшка Катеринушка:
- 20 В одних чулочиках без башмачиков,
В одном повойничке да без косыночки —
А ты сломи-сруби у ней да буйну голову,
Спролей-спролей у ней да кровь татарскую!
Придешь, князюшка, в первую горенку —
- 25 В первой горенке колыбель висит.
(*У ней будто ребёнок принесённый без него.*)
Придешь, князюшко, в другу горенку —
Все ключи-замки переломаны.
Придешь, князюшко, в третью горенку —
Цветно платьице всё изношено.
- 30 Пойдешь, князюшко, ^bво глубок погрёб^a —
Сладки вина все повыпиты,
Да сладки прянички все поедены.
Пойдешь, князюшко, на конюшен двор —
Кони вóроны все в назьму стоят
- 35 И не пьют воды ключовые,
И не едят травы муравые».
Пришел князюшка да на крылечико,
Поколотился во колечико.
Пришла встречать его кнегинушка Катеринушка:
- 40 В одних чулочиках без башмачиков
Да в одном повойничке без косыночки —
Он сломил-срубил ей буйну голову.

- Пошел князюшка в перву горенку —
 В первой горенке вѣснут пялышки:
(Вместо колыбели.)
- 45 Не столько шито — сколько плакано,
 Тебя, князя, домой дождано.
 Пришел князюшка в другу горенку —
 На столе лежит писемышко:^г
 Не столько писано — сколько плакано,
- 50 Все тебя, князя, домой дождано.^д
 Пришел князюшка в третью горенку —
 Все ключи-замки заржавели,^е
 Тебя, князюшка, дождаючи.
 Да цветно платьеи всё неношено,
- 55 Да тебя, князя, домой дождано.
 Пошёл князюшка в погреба глубокие —
 Вина все там целиком стоят,
 Сладки прянички все не едены.
 Пришел князюшка на конюшен двор —
- 60 Вороны кони все в шелку стоят,
 Едят пшеницу белоярову.
 Он сажился на добра коня,
 Поехал догонять стариц да чернокнижниц:
(Так будто.)
 «Ох вы, старицы, да чернокнижницы,
- 65 Я срублю у вас, склоню да буйну голову,
 Спролью да кровь татарскую!
 Вы достаньте мне живой воды.
 А не достанете мне живой воды —
 Я срублю-сломлю у вас да буйну голову!»
(Уж княгиню не оживить ему всё равно.)

^а Возможно, в этом слове (здесь и далее) «е» вместо «ё» — лишь результат скорописи.

^{б-в} Вариант при исполнении: «в погреба глубокие».

^г Вариант при исполнении: «грамотка».

^д Вариант при исполнении: «дождаючи».

^е Вариант при исполнении: «да все целѣшеньки».

№ 20

- Жил-был князюшко до девяноста^а лет,
 Взял княгинюшку да девятнадцать лет.
 Да жил с княгинюшкой ровно три года,
 Ровно три года, да ровно три месяца.
- 5 На четвертый год да князь гулять пошёл.
 Он ходил-гулял да ровно три года.
 Ровно три года да три месяца.
 А на четвертый год да князь домой пошёл.

- Попадает ему навстречу две старицы,
10 Две старицы, две чернокожицы.
Одна старица — да крестна матушка,
Друга старица — да родна тётушка.
Он стал спрашивать у ней, да выведывать
Про свою да про жену да про княгинюшку.
- 15 «Мы видом ей да не видели,
А мы слыхом о ней да много слышали:
Есть у ей полюбленный молодой детинушка,
Все сладкі питья да все повыпиты,
Все мягкіе прянички да все приедены,
20 Казна-соби́на да вся издѣржана,
А как конички во конюшены по колен во назьму стоят».
Пошел князюшко да он во кузницу,
Да сковал князюшко да саблю острую,
Да подъезжает он к своему дому.
- 25 Выбегает встречать княгинюшка
Без башмачиков, в одних чулочиках —
Срубил князюшко да буйну голову!
Ейна буйная головка пала не на землю и не на воду,
А полетела она Богу на небо.
(«А было чудес раньше!» — «Правда».)^б
- 30 Зашѣл князюшко да в первую комнату —
На столе письмо писано,
Не столько писано — сколько плакано,
Всѣ князя́ домой дожидаются.
Зашѣл князюшко да во темный погреб —
- 35 Все сладки питья да повысохли,
(Значит, не пошевелѣны.)
А все мягкіе прянички да призаплеснели,
Казна-соби́на да перещитана.
(Вот как они наврала, значит!)
Пошѣл князюшко да на конюший двор —
А как конички по колен в серебри блестят.
(«Значит, так начищены, что как серебро блестят». —
«Ой, сам над собой чего князь сделал!»)
- 40 Пошел князюшко, разыскал крестну матушку да родну тётушку
И срубил у них да буйну голову.

^а Здесь и далее в тексте числительное обозначено цифрой.

^б Зафиксированные собирателем (здесь и далее по тексту) реплики принадлежат не только исполнительнице, но и слушавшим ее женщинам.

№ 21

Жил-был князь да девяноста лет,
Уж он взял княгиньку девяти годов,
Девяти годков, да лет семнадцати.

- Уж он жил с княгинькой ровно три годá,
5 Ровно три годá, ровнó три осени.
На четвертýй год да князь гулять пошёл,
Он ходил-гулял да ровно три годá,
Ровно три годá, ровно три осени,
На четвёртýй год да князь домой пошёл.
- 10 Что-й попали встречу князю три старицы,
Что ль три старицы, да три монашицы.
«Уж вы гой еси, старицы-монашицы!
Не видали ли княгиньки девяти годков,
Девяти годков, да лет семнадцати?» —
- 15 «Что-й твоя-то княгинька за блудом пошла,
За блудом пошла — да заблудилася.
Что-й зайдёшь в палату — колыбель висит,
А зайдёшь в другú — так и другá висит,
А зайдёшь в третью — так и третья висит.
- 20 Уж как выбежит она тебя встречать без повойничка,
Без повойничка, в одном кокошничке,
Без косты́чика, в одной рубашечке,
Без башмáчиков, в одних чулóчихах.
Вкруг амбáриков дорожки приуторены,
- 25 Муравá-трава да приуто́птана,
Годовалые хлебы приуёдены,
Золотá казнá да прииздёржана».
Попрощался князь, да и домой пошёл.
Что-й подходит князь да к своему дворцу.
- 30 Выбегает его встречать княгинька без повойничка,
Без повойничка, в одном кокошничке,
Без косты́чика, в одной рубашечке,
Без башмáчиков, в одних чулочихах.
Он берёт княгиньку за белы́ руки́,
- 35 И повёз княгиньку во чисто́ полé —
Что-й отсек он княгиньке буйну голову,
Уж он бросил тело зверя́м да на съедение!
Уж и сам тут князь да и домой пошёл.
Счо ль заходит в палату — а пелá^а веснút:
- 40 Счо-й не сколько шито, сколько плакано,
Всё тебя, князя́, домой дожидано.
Что и в другú зашёл — так и други вёснút:
Что-й не столько шито, сколько плакано,
Всё тебя, князя́, домой дожидано.
- 45 А в третью зашёл — так и третьи вёснут:
Что-й не столько шито, сколько плакано,
Всё тебя, князя, домой дожидано.
Вкруг амбариков дорожки не утóрены,
Муравá-трава да не утóптана,
- 50 Годовалые хлебы не изъедены,
Золотá казна да не издёржана.
Ту^б и поехал князь догонять^в стари́ц.

- Что и одну-то старицу конём стоптал,
 А другú-то старицу копьём срубил.
 55 А третья-то старица взмолилася,
 Князю старому да поклонилася:
 «Ты не бей, не губи да мóей гóловы!
 Оживлю тебе княгиньку девяти годков,
 Девяти годков да лет семнадцати».
*(А вот опять конец настоящий не знаю,
 оживила как-то... Вспомнила!)*
- 60 Счо-й дала она князю живой воды.
 Что-й поехал князь да во чистó поле,
 Обрызгáл тут он тело живой водой —
 Ожила княгинька девяти годков,
 Девяти годков, да лет семнадцати.
*(Нáврали. Они сказали, что выбежит она, а она просто не
 одевалась; да так жила-дожидáла, что он долго не идёт.)*

^a «Пяла» — большие четырехугольные пальцы.

^b Так в ркп.

^b Вариант при исполнении: «доставать».

№ 22

- Жил-был князюшко да девяносто,
 Взял княгинюшку да девяти годов.
 Жили с князюшкой ровно три года,
 Ровно три года, ровно три осени.
- 5 На четвертый год да князь в поход пошёл.
 Ходил-гулял да ровно три года.
 Жила князюшка да Катеринушка
 Ну, не <с>только шила — сколько плакала,
 Князя́ домой дождаючи.
- 10 На шестой годок да князь домой пошел.
 Попало навстречу ему три старицы,
 Три старицы, да три черноризницы.
 Одна старица да была крестна матушка,
 А дру́га старица — да родна тётушка
- 15 А третья старица — да родна тётушка:
(тоже)
 «Приедешь, князюшко, да ко крылечуку,
 Стукни-брякни, князюшко, да во колечико.
 Выбежит встречать тебя княгинюшка да Катеринушка:
 Без башмачиков, в одних чулочиках,
- 20 Без кокошничка, да в одном платочуку —
 Ты склони-сруби да буйну голову,
 Ты спролей-спролей да кровь горячую!
 Ступишь, князюшко, да в перву комнату —
 В первой комнаты да колыбель висит.

- 25 Спустишься, князюшко, во втору комнату —
Во второй комнате лежит писемчко:
Тебя, князюшко, домой да не дожидано!
Спустишься, князюшко, да во темной погреб —
Во темном погребе все прянички, все-то съедены,
- 30 Сладки водочки да все-то выпиты».
Приехал князюшко да ко крылечику,
Стукнул-брякнул князюшко да во колечико.
Выбегат тут встречать Катеринушка:
Без башмачиков, в одних чулочиках,
- 35 Без кокошничка, в одном платочику.
Он склонил-срубил да буйну голову,
(*Вот ведь какой!*)
Он sproлил-sproлил да кровь горячую!
Он ступил в первую комнату —
В первой комнаты висят п्याлышко:
- 40 Не столько шито — сколько плакано,
Его, князя, домой дожидано.
Он ступил во втору комнату —
Во второй комнаты лежит писемчко:
Не столько писано — сколько плакано,
- 45 Тебя, князя, домой дожидано.
(*Всё ведь наврала!*)
Он спустился во темной погреб —
Все-то прянички да призаплёснели,
Сладки водочки да призакислоли.
Он спустился на конюшний двор —
- 50 Все-то конички да приубраны,
Приубраны, да приулажены.
Тут выбирал он самолучшего коня.
Не видели князя седучи, только видели поедучи.
Догонил он три старицы, да три черноризницы.
- 55 Они, старицы, да помолилися,
Ему в ноженьки да поклонилися:
«Оживим тебе молоду Катерину!
Достанем мы тебе живой воды».

№ 23

- Уж как жил-был князь да девяноста лет,
Уж он взял себе княгиньку девяти годов,
Девяти годов, а лет семнадцати.
Пришло время-та ему — да служба царская,
- 5 Служба царская, да государская
На три годика, да на три осени,
На три годика, да на три осени.
На четвертой год дак он домой пошёл.

- Попадает ему да три старчинки,
¹⁰ Три, три старчинки, да три монашки.
 «Уж вы старчинки, да вы монашки!
 Не видали ли княгини да девети годков,
 Девети годков, да лет семнадцати?» —
 «Уж мы видом не видали — слыхом слышали:
¹⁵ Что-й твоя княгинька да за блудом ушла,
 За блудом ушла — да заблудилася.
 Шелкова трава да вся истоптана,
 Годовалы хлебы да все изъедены,
 Золотá казна да вся издёржана.
²⁰ Ты в конюшну-ту зайдёшь — так по колён в грязе.
(Тётка-то Олёна пела так:
«Добры кони-то стоят да по колён в говне».)
 Ты приедешь к дому к белокаменному —
 Тут ведь выйдет княгинька девети годов,
 Девети годов, да лет семнадцати:
 Без кокошничка, в одном платочки,
(Уж она, бедна, выбежит — так не успеет одеться!)
²⁵ Без чулочиков, в одних башмачиках.
 А в палату-то зайдёшь — колыбель вёснёт,
 А в другую-то зайдёшь — так и вторá вёснёт,
 А во третью-то зайдёшь — так и третья вёснёт».
 Богатырско-то сердце да расходилося,
³⁰ Богатырска кровь да роскипелася,
 Он садился на коня да приезжал к дому,
 Он приехал к дому белокаменну.
 Как выходит тут княгинька да девети годков,
 Девети годков, да лет семнадцати:
³⁵ Без кокошничка, в одном платочике,
 Без чулочиков, в одних башмачиках —
 Он срубил с неё по плечам голову!
 Он в палату-то зашёл — да там красна́ висят:
 Что-й не сколько шито — да сколько плакано,
⁴⁰ Всё тебя, князя́, домой дожидано.
 А во втору зашёл — так там вторы́ висят:
 Что-й не сколько шито — да сколько плакано,
 Всё тебя, князя́, домой дожидано.
 А в третью зашёл — так и третей́ висят:
⁴⁵ Что-й не сколько шито — да сколько плакано,
 Всё тебя, князя́, домой дожидано.
 Шелковá трава да не утоптана,
 Золотая казна да не издёржана,
 Годовые-то хлебы да не изъедены,
⁵⁰ А как кони-то стоят да по колён в добри́.
 Богатырское-то сердце расходилося,
 Богатырское-то раскипелося.
 Он одну монашенку конём стоптал,

- А другú монашенку серпóм пожа́л.
55 Ище́ третья́-то монашенка возмоли́лася,
Ище князю в ноги поклонилася...
*(Как-то ключóву воду нашёл, да как-то жену оживил. Живой
воды какой-то нашёл...
Да уж зарезана была, дак тоже неправда!)*

№ 24

- Жил тут ведь князь да девяноста^а лет
Он ведь брал себе княгиню да девяти^а годов,
Девяти годов, да десяти летóв.
Он ведь жил со княгиней ровно три года,
5 На четверто<й>-ет год да князь гулять пошёл.
Он ходил-то гулял да ровно три года,
На четвёртой-от год да князь домой пошёл.
Счо настречу ему идёт три старицы,
Счо три старицы идет, да три монашинки.
10 «Уж вы гой еси, старицы-монашицы!
Не видали ле кнегинушки девети годов,
Девети годов да десети летóв?» —
«Мы видóм-то не видали — да слыхóм-то слышали,
Счо твоя-то княгинушка за блудом пошла,
15 За блудом она пошла — да заблудиласе,
За гульбой она пошла — да загуляласе.
Счо к амбарикам дорожочки уторёны,
Все шурупчаты замочки исприломаны,
Годовалья хлебы все приёнены,
20 Ище сладкие мёды все йспиты,
Все ведь добрые конички по колен стоят в говне,
Белояровой пшеницы да не насыпано,
Ключевой свежой воды да не наношено.
Что в первú спальнú зайдешь — да колыбель вёснет,
25 Что во втору спальнú зайдешь — да все втора вёснет,
Что в третью спальнú зайдешь — да всё третья вёснет.
Уж как выйдет кнегинушка да без повойничка,
Без повойничка, в одном она платочике,
Без чулочиков, в одних она башмачиках,
30 Без канмóтница^б, в одной она рубашеcki —
Ты сказни-сруби да буйну голову,
Раскинай-ко, розмечи да по чисту полю!»
Что не лютое сердце да росходилося —
Богатырская кровь да роскипелосе.
35 Счо приехал(ы)^в князь да к широкú двору.
Счо выходит кнегинушка стрецёт его:
Без повойничка, в одном она платоцику,
Без чулоциков, в одних башмачиках,

- Без канмотница, в одной она рубашочки —
- 40 Счо сказнил у ей да буйну голову,
Розметал он, роскинал да по чисту́ полю!
Счо бросалсе кнезь да все к амбарикам —
Счо дорожочка к амбарикам не уторёна,
Все шурупчаты замочки не приломаны,
- 45 Годовалыя хлебы не приедёны,
Ище сладки вина-мёды не испиты.
Ище добры ведь конички по колен стоят в шелку,
Белоярова пшеницы принасыпано,
Ключевой свежой воды да принаошено.
- 50 Счо в перву спальню зашел — да все пяла́ вёснут:
Что не сколько в пялах шито, боле плакано,
Счо тебя-то, князя́, домой дождидано.
Счо во втору́ спальню зашёл — да счо вторы вёснут:
Счо не сколько в пяла шито, вдвое плакано,
- 55 Счо тебя-то, князя, домой дождидано.
Счо в третью-то спальню зашёл — да счо трети вёснут.
Счо не сколько в пялах шито, втрое плакано,
Счо тебя, князя́, домой было дождидано.
Счо не лютое сердце расходилосе —
- 60 Богатырская кровь да роскипелосе.
Счо ведь перву-то старицу конём стоптал,
Счо втору́-то он старицу копьём сковал,
Что третья-то ведь старица взмолилася:
«Уж ты вой еси, кнезь да девяноста лет!
- 65 Счо-й одна-то ведь старица — ведь мать твоя,
А друга-то ведь старица — сестра родна,
Что третья-то ведь старица — ведь крёсна мать!»
*(Вот ведь наврала ему! Не видали, не слышали — а погубили!
Быль ли, враки ли, а говорят: сказка — врака, а стих — быль.)*

^а Числительное в ркп обозначено цифрой.

^б «Канмотничек» — сарафан, по словам исполнительницы.

^в В ркп «приехали», «ы» считаем огласовкой согласного «л».

Князь Роман губит свою жену

№ 25

- Жил да был Роман да князь Михайлович,
У него была княгиня, Марья дочь Андреевна.
У них прижито княжно дитё, Настасья дочь Романовна.
Что ль хитра-мудра была Настасья девяти годков,
- 5 Что-й растешилася-разнежилася Настасьюшка.
Стала тут ей мамушка убайкивать,
Что-й убайкивать, да ведь унянькивать.
И сама тут заснула крепким сном,

- Крепким сном да непробудным.
- 10 Как приехал Роман да князь Михайлович —
Не встречает его княгиня, Марья дочь Андреевна.
Он заходит в палату белокаменну,
И берёт он княгиню за белы руки,
Счо-й выводит княгиню во резвы сені,
- 15 Из резвých сеней да на крылечико.
Посадил он княгиню во кареточку,
И повёз он княгиню во темны леса,
Во темны леса да во дремучие.
Закопал он княгиню во сырú землю,
- 20 Во сыру землю да под три кольшка,
Под три кольшка, да под три ковanych.
Пробудилась княжно дитё, Настасья дочь Романовна,
Видит — нет её да родной мамушки.
Тут и пошла Настасьюшка да ведь по бабушкам,
- 25 Ведь по бабушкам, да ведь по нянюшкам:
«Уж вы гой еси, бабушки да нянюшки!
Вы скажите-ко, да где-ко мамушка?» —
«Счо-й твоя-то мамушка ушла к соседям на бесёдушку».
Тут и пошла Настасьюшка к соседям на бесёдушку —
- 30 Тут и ведь мамушки да не случилось,
Тут и ведь мамушки не пригодилось.
Счо-й и пошла Настасьюшка да ведь ко бабушкам,
Счо-й ко бабушкам, да ведь ко нянюшкам:
«Уж вы гой еси, бабушки да нянюшки!
- 35 Вы скажите, где да моя мамушка?» —
«Счо-й твоя-то мамушка ушла да во парнú баню».
Тут и ведь мамушки да не случилось,
Тут мамушки не пригодилось.
Тут и пошла опять Настасьюшка ко бабушкам,
- 40 Счо-й ко бабушкам да ведь ко нянюшкам:
«Уж вы гой еси, бабушки, вы нянюшки!
Не видали ле да мóей мамушки?» —
«Счо-й твоя-то мамушка ушла да во Божью церковь,
Во Божью церковь да Богу молитися».
- 45 «Уж вы здравствуйте, попы-отцы духовные,
Уж вы здравствуйте, причетники церковные,
Уж вы здравствуйте, князья, княгини первобрачные,
Уж вы здравствуйте, крестьяна православные!» —
«Почему у тя, Настасья, не учёсана коса,
- 50 Не учёсана коса да не увíты волоса?»
Тут уж мамушки да не случилось,
Тут уж мамушки не пригодилось.
Тут пошла Настасьюшка ко бабушкам, ко нянюшкам.
А навстречу Настасьюшке два серých волка.
- 55 «Не убоюсь я двух серých волков!
Уж вы гой еси, два серы волка,
Не видали ли да моей мамушки?» —

- «Счо-й твоя-то мамушка во сырой земли,
Во сырой земли, да под трема колышками,
60 Под трема колышками, да под тремя коваными!»
Тут пошла Настасьюшка во свой дворец.
Уж тут пала она в ноги к родному батюшке:
«Уж ты гой еси, батюшко, князь Роман Михайлович!
Ты скажи-ко-се, да где-ка мамушка?» —
- 65 «Ты не плач,^a не реви, дочь Настасьюшка!
Я срублю тебе три терема — златы венцы,
Я сошью тебе шубочку в пятьсот рублей,
Заведу тебе да родну матушку». —
«Ты сгори, моя шубочка в пятьсот рублей,
- 70 Вы сгорите, три терема — златы венцы,
Уж ты сгинь-пропади, да лиха мачеха!»
Тут поехал князь Михайло^b во темны леса,
Уж он выкопал княгиню из сырой земли.
(Уж тут я не знаю: живу привёз? Говорят — живу,
а уж не знаю, как тут, раз зарыта была!)
Он привёз Настасьи родну матушку.
(Верно, так — и конец.)

^a Так в ркп.

^b Ошибочно вместо «Роман»: «Видимо, спутала из-за отчества или частого употребления» кн<язя> Михайлы в других текстах» (примеч. собирателя).

Мать князя Михайлы губит его жену

№ 26

- Поезжаёт кнезь Михайло
О да он во чистоё полё
О да во широкоё раздольё.
А наказует кнезь Михайло
5 Да своей матери: «Родная
Да свет сударыня большая!
Да ты корми мою кнегину,
Да молоду жону Марфиду
Да бело ситнима хлебами.
- 10 Да ты пои мою кнегину
Да уж ты сладкима водами.
Да не поспел кнезь-то Михайло
Да <с> широка-то двора съехать
Да во чисто полё заехать —
- 15 Да закормила кнегину
Да что овсяныма хлебами,
Да запоила кнегину
Да троёсуточной водою.

Да по три байны в день топила,
20 Да по три щелоку варила,
Да по три мыла измывала,
Да горечь камень нажигала,
Да во белы груди спущала —
Да бёлы груди прожигала,
25 Да что бладеня вынимала...
Доброй коничек поткнулся,
Да с головы шляпа скатилась:
«Да ищё есь в доми несчастье,
Да есть нсчастье есь немало:
30 Да разве мать моя неможет,
Да молода жена хворает?»
Да она сходила к рыболовцам:
«Да рыболовцы, рыболовцы!
Да уж вы сделайте колоду,
35 Да вы набейте на колоду
Да по три обруча железных.
Да напишите на колоду,
Да напишите три приметы.
Да что перва-то примета:
40 Да свою душу погубила.
Да что втора-то примета:
Да я Марфиду уходила.
Да-й а третья-то примета:
Да я младеня вынимала.
45 Да вы спустите колоду
Да во, во синее море.
Да не пристань, моя колода,
Да не к камёшку, не к берёжку,
Не круту красну бережочку!»
50 Да приезжает кнезь да Михайло
Да он из чистого поля,
Да из широкого раздолья,
Да что выходит мать стречать.
Да молода жена не стречает.
55 «Да уж ты, мать моя родна,
Да свет сударыня больша!
Да уж ты где, моя кнегина,
Да молода жона Марфида?» —
«Да ушла в Божью-то церковь
60 Да за тебя Бога молити!»
Ой ведь тут-то не случилось,
Ей ведь тут не при<г>одилось.
«Да уж ты, мать моя родная!
Да ты скажи мне сушу правду,
65 Да сушу правду неутайну,
Да где моя жена кнегина,
Да молода жена Марфида?» —

- «Да у соседов на бесёды!
Тебя, мужа, не встречает».
- 70 Да что бросался князь Миайло
Да счо к соседам на беседу —
Да ище тут ей не случилось,
Да ище тут не пригодилсе.^a
«Да уж ты мать моя родная!
- 75 Да ты скажи всю сушу правду,
Да сушу правду неутайну:
Да скажи, где моя кнегина,
Да молода жена Марфида?» —
«Да ты сходи ты к рыболовцам —
- 80 Да рыболовцы лучше знают,
Да рыболовцы правду скажут».
Да что бросалсе князь Михайло
Да бросалсе к рыболовцам.^b
«Да рыболовцы вы, рыболовцы!
- 85 Да вы скажите сушу правду,
Да сушу правду неутайну:
Да ище где моя кнегиня,
Да молода жона Марфида?» —
«Да что твоя-то кнегина
- 90 Да что во синем-то море,
Да во широком раздолье!»
Да счо приходит князь Михайло
Да к своей матери родное:
«Да уж ты, мать моя родная,
- 95 Да по прозванью — змея люта!»

^a Так в ркп — вместо «пригодилось».

^b Рядом со стихом в ркп зафиксированы реплики присутствовавших на записи женщин: «Где он сам-то был?» — «Да гулять уехал!» — «Вишь, 90 лет да 9 годов! Тоже мать наврала, да. Он не пошел, не посмотрел, да».

№ 27

- Как поехал князь Михайло
На царскую службу,
На государеву работу.
Говорил князь Михайло
- 5 Своей матери родныя:
«Уж ты, мать моя родная,
Что-й по имени Овдотия,
Уж ты пой, мати́, беляну
Сладким мёдом с калачами!»
- 10 Со двора-то только съехал,
До другого не доехал —
По три бани в день топила,

По три веничка носила,
По три камни нажигала,
15 Бѣлы грѹди прожигала,
Там младѣня вынимала.
Поила беляну
Болотною водою.
Высекала тут мати
20 Сыродѹбую колоду,
Туда клала беляну,
Туда же и младѣня.
Спускала колоду
Во синее море,
25 Да на широкое раздолье.
Как приехал князь Михайло
Со царския службы,
Со государевой работы:
«Уж ты, мать моя родная!
30 Скажи, где моя беляна,
Молода жена Марфида?» —
«Твоя-то беляна
Ушла во парную баню!»
Пошѣл князь Михайло
35 Во парную баню.
Тут беляны не случилось,
Тут беляны не пригодилось.
Пошел князь Михайло
К своей матери родныя:
40 «Уж ты, мать моя родная,
Что по имени Овдотья!
Скажи, где моя беляна,
Молода жена Марфида?» —
«Твоя-то беляна
45 Ушла в Божию церковь!»
Тут пошѣл князь Михайло
Во Божию церковь —
Тут беляны не случилось,
Тут беляны не пригодилось.
50 Тут пошел князь Михайло
К своей матери родныя:
«Уж ты, мать моя родная,
Что-й по имени Овдотья!
Скажи, где моя беляна,
55 Молода жена Марфида?» —
«Что твоя-то беляна
Ушла к соседям на бесѣду!»
Тут пошѣл князь Михайло
Ко соседям на бесѣду.
60 Тут беляны не случилось,
Тут беляны не пригодилось.

«Что-й соседи вы, соседи,
Что-й соседи порядóвны!
Не ута́йтесь, не убойтесь,
65 Вы скажите су́щю правду,
Су́щю правду неутайну,
Скажите, где моя беляна,
Молода жена Марфида?» —
«Со двора ты только съехал —
70 Твоя маменька родная
По три бани в день топила,
По три веничка носила,
По три камня нажигáла,
Белы груди прожигала,
75 Там младéня вынимала.
Поила беляну
Болотною водою.
Высекала тут маги
Сыродубову колоду,
80 Спускала колоду
Во синее море,
На широкое раздóлье». —
Тут пошел князь Михайло
К своей матери родныя.
85 «Уж ты, мать моя родная,
По прозванью — змея люта!
Не утайся, не убойся,
Ты скажи-ка су́щю правду,
Су́щю правду неутайну,
90 Скажи, где моя беляна,
Молода жена Марфида?» —
«Со двора ты только съехал,
До другого не доехал —
Я по трёх банí в день топила,
95 По три веничка носила,
По три камня нажигала,
Белы груди прожигала,
Там младеня вынимала.
Поила беляну
100 Болотною водою.
А потом и высекала
Сыродубую колоду,
Тут и клала беляну,
Туда же и младеня.
105 Спускала колоду
Во синее море,
Во широкое раздолье...»
Пошли на корабль, достали эту колоду, подняли и — живá там!

(С конца^а не помню.)

Поехал князюшко во чисто поле.

Оставил со свекровой.

(Тоже три года, да три осени, тоже взял
девятилетнюю, мóлоду Марфиду. Столько же
ходил годов, как и тот.)^б

Свекрова ей не любила.

Три парны баенки топила,

⁵ Горюч камень нажигала.

Да на белы груди спускала,

Белы грúди прожигала.

В хрустатúю^в колоду полагала,

В синё море опускала.

¹⁰ Вот вернулся князюшко домой:

«Где же моя белая беляга,

Мóлода Марфида?» —

У матери спрашивает.

«А она ушла к соседу на беседу!» —

¹⁵ Мать отвечает. Ну, и он пришёл к соседу на беседу:

«Вы скажите, не утайте,

Где моя белая беляга,

Мóлода Марфида?»

И соседы ему сказали:

²⁰ «Твоя маменька три парны баенки топила,

Горюч камень нажигала,

На белы груди спускала,

Белы грúди прожигала,

Во синё море спускала».

²⁵ Повернулся князюшко, больше ни слова.

Пошёл князюшко да во чистó поле,

Во чистó поле широкое —

На три ножичка булатные скололся.

И тут мать его просталась:

³⁰ «Прости ты, князюшко,

Да прости ты, сыночек мой!

Я три душеньки сгубила:

Перву душеньку сгубила

У себя в утробы;

³⁵ А втору душеньку сгубила —

Белую белягу, молодú Марфиду.

А третью душеньку сгубила —

Тебя, князя, тебя молодого!»

^а Т. е. «с начала».

^б Текст сказан после баллады «Князь, княгиня и старицы» (см. № 22).

^в «Пели так» — пояснение на полях ркп.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Егорий и Змей

№ 29

- Три города, три стóльных
Три стóльные, да три соборные
Сквозь землю прошли.
А на Рахминско царство Бог беду спустил,
5 Он беду спустил, да Бог, немалую:
Напустил Змею да семиглавую.
Та Змея-то стала есть да по головушки,
По головушки да по скотиныя —
В том граду скота да не заводилася.
10 Стали брать людей они по жéребью.
Выпал жéребей да самому царю,
Самому царю, царю Ага́питу.
Тут Ага́пит-царь да призадумался.
Приходит к ему жена княгинюшка:
15 «Не кручинься царь, да не печалуйся!
У тя есть ведь кем да заменитися —
Есть немíла дочь да одинакая,
(Она мачеха этой дочери.)
Прекрасная Агапья Агапеевна
(Говорит он:)
«Уж ты, милая дочь да одинакая,
20 Прекрасная Агапья Агапеевна!
Ты во каку веру веруешь?
А каким богам, Богу молишься?
Я в ту веру тебя замуж отдам!
Одевай-ко платье цвётное,
25 Платье цвётное, да самолучшее». —
Скидывает она платье цвётное,
Платье цвётное, да самолучшее.
Одевает она платье черное,
Платье черное, да платье печальное.
30 И повезли её да ко синю́ морю,
Ко синю́ морю да ко люту́ Змею,
Ко люту́ Змею да на едение,
К семиглавому да на пожрание.
Прискакал Егорий Храбрый да на белóм коне,
35 Говорит Агапье Агапеевне:
«Змея к берегу заподближается —
Ты тогда меня ото сна буди!»
Змея-то к берегу подближается
И кричит-рычит да громим голосом:
40 «Голодн́ым я теперь голодн́ешенька!
Две голóвы съем человеческих,
А третью съем да кониную —

- Сытым я стану сытёшенька!»
 А Егорий Храбрый ото сна не пробуждается.
(Внук исп.: «А ещё у неё полились жемчужные слёзы!» —
«Ты не мешай! Знаешь, так сам сказывай!»)
- 45 Упала слеза Егорью да на белó лицо —
 Тут вскочил Егорий Храбрый:
 «Что ж ты, девица, меня да жгешь огнём?»
 Говорит Егорий Храбрый он лютой Змее:
 «Да ты люта́ Змея, да будь кротка́-смирна́,
 50 Да как скотинушка у хозяина!»
 Тут люта́ Змея да с места не шелóхнется.^a
 Вязал Егорий Змею да на шелкóв^b повóд
 Да отдавал повóд да в руки дивице:
 «Да ты веди Змею в царство Рахминское,
 55 В царство Рахминское, да ко царю Агапиту.
 Если будет веровать в веру крещёную —
 Тогда не спускай Змею да на едёние,
 Семиглавою да на пожрение!
 А если не будет веровать в веру крещеную —
 60 Тогда спускай Змею да на едёние,
 Семиглавою да на пожрёние!»
 Тут взмолился Агапий своей дочери:
 «Не спускай Змею да на едение,
 Семиглавою да на пожрение!
 65 Я буду веровать в веру крещеную».
 Тогда вёл Егорий Храбрый Змею да на крутú гору́
 И рубил Змею да на мелкí куски.
 Отныне дó веку Змеяна́ гора.
(Змеи разошлись от кусков — значит, гора змеиная.)

^a Реплики присутствовавших при исполнении стиха женщин: «Так она и окаменела?» — «Испугалась!» — «Да не то, что испугалась...» — «Наговор имел?» — «Нет, как он святой был!»

^b Далее в ркп зачеркнуто «пояс».

Егорий Храбрый (фрагмент)

№ 30

- Туры-олени по горам пошли,
 Серые волки по засекам,
 А белые горносталя по темным лесам.
 Свежá рыба ступила в морскú глубину.
 5 Да зародился на роду да могутной богатырь,
 Что на имя Егорий Светохра́брый.
 Стал Егорий пяти-шести годков,
 Да замóг наш Егорий конём владать^a
 <...>
 Неверное царище Грубиянице

- 10 Он Божьи-то церкви взял, на дым спустил,
А из Божьих-то икон взял мосты смостил,
Фёдора Смоленского под низ спустил,
А царицу, дочь прекрасную, изуродовать хотел.
А царица, дочь прекрасная, хитра была, мудра:
- 15 Да уходила во пещоры, в горы каменные,
Да уносила своего да чада милого,
Ещё на имя Егорья Светохраброго.
Да ёще стал наш Егорий пяти-шести годков,
Да замог-то наш Егорий конём владать,
Он конём владать, да копьём шурмовать.
- 20 Запросил у своей мамки благословленьице:
«Да уж ты дай мне благословленьице немалое,
Ты немалое, да дай великое —
Я поеду к неверному царицу Грубиянищу
Я надсмешки-то ему да отсмеивать!» —
(А как воевали-то они там, не знаю, очень воевали тревожно.)
«Убьёт тебя, наверно, царище Грубиянище —
А не даю я тебе благословленьица!»...
(Как-то он на свою смелость сказал: «Поеду!» Уж очень
красивый конец-то там, такой треложный.)

---

^a Далее — пропуск: исполнительница сбилась, вспоминая текст.

Михаил Архангел

№ 31

- «Свет ты наш, Михаил Архангел,
Да воструби во трубу золотую!»
Вострубит в трубу золотую,
Всех живых-мёртвых со сна да он разбудит:
- 5 «Вставайте-ка, праведные души,
Да воротитесь лицами ко палаты —
Отворёны вам райские двери,
Сготовлена вам райская пища,
Одежда носима-неизносима!»
- 10 Возрадуются праведные души,
Идущие в царство небесно.
«Вставайте-ка, грешные души,
Да воротитесь-ко лицами ко палаты:
Да сготовлена вам вечная мука
- 15 Со огнём, да со горячей
Со смолой да со кипячей!»
Расплачутся грешные души:
«Свет ты наш, Михайло Архангел!
Чего же ты нас отсылаешь
- 20 Да в царство небесное нас не спускаешь?» —

«Ой же вы, грешные души!
Спорожоны вы на трудо́ную землю.
(Человек трудится, так должен он поститься,
молиться.)
Чего же вы Богу не молились?
По средам да по пятницам не постились,
25 На каждую субботу не причащались,
Да нищему-убогому милостыни не давали,
На́гого-бо́сого вы не одевали,
Жадного убогого вы не напоили,
Во тюрьме сидящих вы не посещали,
30 Да во гробе умёршего вы не провожали?»
(Это жизненно. Оный, бедный, лежит он мокрый,
да жадный — так никто не подумает его навестить,
напоить.)

Алексей человек Божий

№ 32

*(Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Можно ли стишок
спеть? — Пойте во славу Божию!)*

Жил-был Яфимьян, да князь богатый.
А охвоч был Яфимьян Богу молиться,
По средам, по пятницам постился,
На каждую субботу причащался.
5 Да он молился Господу Богу со слезами,
Да он молился Господу Богу да со желаньем:
«Да дай-ко ты мне, Господи, отродье —
Да на младые-то годы да на утеху,
Да на старые годы да на замену,
10 А на умерши дни мне на поминок!»
Да тут не так скоро дело ведётся,
А так скоро в стиху поётся.
Пресвятая Богородица гласом прогласила,
Да человеческим-то язы́цем да говорила:
15 «Ай же ты, Яфимьян, да князь богатый!
Да ты сходи во свою да во теплу спальню
Да ко своей ко обручной княгине:
Твоя обручная княгиня сына породила.
Да ты сходи-ко к попам, да к прото́дьякам,
20 Да наречайте ему имя Алексе́ем,
Да Алексе́ем да Божьим человеком!»
Да тут не так скоро дело ведётся,
А так скоро в стиху поётся.
Тут собирал Яфимьян, да князь богатый,
25 Да собирал он да крещение большое.

Да созвал он попов и протодьяконов,
Он собрал всех князей и бояр больших,
Да он собрал же всех да на крещенье,
На крещенье своего сына.

30 Да все князи-бояра большие
Подарками Алексеюшко дарили,
Да золотыми вещами наградили.
Да наречали ему имя Алексеем,
Да Алексеем да Божьим человеком.

35 Да не так скоро дело ведётся,
Ещё так скоро в стиху поётся.
Да стал уже Алексеюшко да он расти да,
Да стал расти не по часам, а по минуткам.
Да он уж рос сперва да по часочкам,

40 Теперь растет он да по минуткам.
Да так скоро в стиху поётся,
А не так скоро дело ведётся.
Да стало Алексею да семь лет уж —
Да отдал его батюшка да учиться.

45 Ему учение-то да далось,
Да он читать-писать да скоро научился.
Да ещё так скоро в стиху поётся,
Да не так скоро дело ведётся.
Да стало Алексеюшко лет пятнадцать —

50 Да он писал-то всё рукописанье,
Рукописанье да он большое,
Да он писал-то всё божественно.
Да он большим-то людям пример казъл,
Да чтобы все да испытали,

55 Да чтобы все его рукописанье читали.
Да все наслушаться да не могут.
Да как ему быть таким писателем,
Да вот писателем ему, руководителем.
Да ещё так скоро в стиху поётся,

60 Да не так скоро дело ведётся.
Да стало ужо Алексеюшко да лет за двадцать —
Да захотел его батюшко женити.
Да Алексеюшко женитьба не далася,
Да он жениться да не охотел.

65 Да он уж батюшка не огрубляет,
Да он в ногах ведь матушки да упадает:
«Да ты прости, прости, родимая мама!
Да упроси ты родного батька,
Да чтобы он этого не делал,

70 Чтоб жениться да не заставил.
Да я за вас буду Богу молиться,
Да за ваши грехи буду поститься».
Да не так скоро дело ведётся,
А ещё так скоро в стиху поётся.

- 75 Ему выбрали невесту
Да во другому ему царстве,
Да во другом да государстве.
Да ему выбрали хорошу,
Ему выбрали княгиню,
- 80 Да той княгиню Катерину.
Да обручали его с княгиней.
Да они собрали свадьбу большую.
Да собрались генералы и купчи вси,
Да ту<т> съезжались да к Ефимьяну
- 85 Да на велику да на свадьбу
Да к одинакому да сыну,
Да ко сыну Алексею.
Да оно не так скоро дело ведется,
Да оно так скоро в стиху поётся.
- 90 Тут сидели гости да все бояра,
Да тут сидели да выпивали,
Да тут сидели да воскушали.
Да тут сидели купцы-бояри,
Ему тут все замечали
- 95 Да ему вопрос задали:
«Да что же, Алексеюшко, да ты не пьешь, не воскушаешь?
Да разве тебе обручная княгиня не в совете,^a
Да разве мы тебе, гости, да не приличны?»
Да ищѣ так скоро в стиху поётся,
- 100 Да не так скоро дело ведётся.
Да долго пили-пировали,
Да долго свадьбу проиграли.^b
Да он не пьёт да не воскушает,
Да про себя он, Алексеюшко, да розмышляет:
- 105 Да всё не будет пить, да он уж бросит.
Да она-то, молодая, да всё видит,
Да на Алексеюшко взирает.
Да он молодчик-то хороший
Да у отца-то да Яфимьяна,
- 110 Да у его мать была-то хороша.
Да все пили-то да напивались,
Да тут становились гости пьяны
Да по домам да разъезжались.
А Алексеюшко остался...^b
- 115 Да он пошел в свою да теплую спальню.
Снимал он с руки да обручальный перстень
Да отдавал своей обручной княгине,
Да обручной княгине Катерине.
Отвязал он шелков пояс,
- 120 Да отдавал он своей княгине:
«Да до тех пор я не приду,
Да ты не жди меня домой уж...
Да злачен перстень раздаётся,

- Да шелков пояс расплетется —
 125 Да я тогда к тебе да возвращаюсь,
 Да я тогда к тебе приеду.
 Да ты смотри на злачен перстень,
 Да ты смотри на этот пояс!»
 Да так скоро в стиху поётся,
 130 Ещё не так скоро дело ведётся.
 Да злачен перстень распаялся,
 Да шелков пояс ведь расплелся —
 Да Олексеюшко ведь не видно,
 Да не видать-то нам, не будет.
 135 Да вот не в долгом будё время —
 Да возвратился калика,
 Да калика он прохожий.
 Да выходил он в это царство,
 Да в это царство-государство.
 140 Да он стучал тут во калитку.
 Да выходили тут холопи,
 Да спросили у калики:
 «Да ты куда идешь, калика,
 Да ты куда идешь, прохожий?» —
 145 «Да я иду ко Ефимьяну,
 Да к Ефимьяну, князю богатому!»
 Да дологались туто слуги,
 Да дологали Ефимьяну:
 «А стучит какой-то прохожий,
 150 Да что у нас ^гстучит-то верной^д
 Да-от прохожий не простой же,
 Непростой да тут калика,^с
 Такой калика оборваной».
 Да выходил тут Ефимьян-князь,
 155 Да принимал калику правдой.
 Да он калике да обрадовался.
 Да он одел калику в первых,
 Да он омыл калику в первых,
 Да накормил калику верну.
 160 «Да ты откуль идёшь, калика,
 Да ты откуль, калика верна,
 Да ты откуль, калика, был да,
 Не видал ли ты мово сына?» —
 «Да я вам всё да роскажу.^ж
 165 Да я не то, что там видались —
 Да во одной келье мы жили,
 Да мы в одной пустыне с ним спасались,
 Да во темном лесу молились,
 Да за свои грехи спасались,
 170 Да за родителей молились!» —
 «Олексеюшко да не видно,
 Да он ничо нам не напишет,

- Да он писатель был хороший.
Да мы его всё дожидали.
- 175 Да прошло тридцать годов уж.³
Вещи все уж приотлели,
Шелков пояс расплетался,
Злачен перстень распаялся —
Олексеюшко не видно!»
- 180 Упитали туто старца,
Стали старца оставляти.
Да сработали ему келью
Да возле каменного дому.
Да были злы таки холопи:
- 185 Да они кушанье носили,
Да носили Алексею —
Да всё кушанье приели,
Да всё помои выливали.
(*Есть и злы холопы, как и люди — не однаки.*)⁴
Вот сказал туто холопам:
- 190 «Да не ходите трои сутки,
Да трои сутки не смотрите.
Да на четверты поглядите
Да Офимьяна приведите,
(*Они-то злы были и не сказали. Может,
сказали бы отцу...*),
Ефимьянушко пришлите!»
- 195 Не идут, прошли эти минуты.
Ещё так скоро в стиху поётся,
Да не так скоро дело ведётся.
Не идут день, другой уж.
Прошло время, сроки все вышли.
- 200 Вышел Ефимьян да на парадно крыльцо:
Запах носит во всему Римску царству,
Запах ладаном, [благоухает]⁵
Туто бросились во келью.
Как пришли во келью ко старцу —
- 205 Старец тут лежит омытый,
Он омытый и обшитый.
А лампада теплится перед им же,
А лампада туто горела
Да зажигалася поденно.
- 210 А не знали, кто зажгё ей:
Да там не бывали люди,
Да закрывалась келья крепко.
Да дивовался Ефимьян-князь:
«Да почему тамо огонь горит?»
- 215 Да Офимьян-князь надумал,
Да заглянул Офимьян во келью:
Да тамо старец лежит обмытый.
Да рукописанье пало в руки,

- Да рукописанье прочитали.
 220 Да тамо сказано: «Я ведь сын ваш.
 Да ты прости-ко, родной батько, маме,
 Да обручальной кнегины,
 Да кнегины Катерине!
 Да у вас холопы были злые.
 225 Они помои выливали
 Да всё кушанье приедали». —
 «А ты чего нам не сказался,
 Да ты чего не рассказал же!
 Я построил бы тебе келью,
 230 Да я тебе келью не такую.
 Тебе обручная княгиня бы носила,
 Тебе маменька родная бы поила.
 Да вот какие злы холопы:
 Да вы чего же вы неверны!»
 (*Он их расстрелял, слуг неверных.*)
 235 Да тут пришла его княгиня,
 Да на гроб ему пала:
 «Да ты чего, чего не сказался!
 Да я с тобой бы была в пустыне,
 Да со тобою бы спасалась,
 240 Да со тобою бы Богу молилась.
 Да я теперь-то я седая,
 Да я ведь стала немогутна,
 Не могу больше работать.
 А замены у нас нету!»
 245 Да хоронили Алексея —
 Да из других-то государств
 Да так на похоронах были,
 Были все князи-бояра.
 Да колокола-то ведь были,
 250 Да Олексеюшко [сположили].
 Да молодого поминали.¹

^a Рядом пояснение соб.: «[совести]».

^b Далее зачеркнут начатый было стих: «Да Олексеюшко...»

^b Отсюда идёт запись со вторичного исполнения, отличающаяся от первого варианта (примеч. соб.). Однако восстановить первоначальный вариант не представляется возможным, поскольку неясно, был ли он зафиксирован в ркп и чем вызваны поправки в записи.

^{г-д} Первоначально: «стучит неверной калика».

^e Стих вписан между строк.

^ж Далее (вместо двух последующих стихов) первоначально следовали строки: «Да я с вашим сыном был во кельи. / Да во одной пустыне мы жили, / Да мы в одной пустыне Богу молились».

^з В скобках указан вариант: «Да тридцать лет уже не видно».

^и Далее исп. вновь поясняла: «Он был писателем, руководителем, писателем он бы был, так его отец женил».

^к Здесь и далее дополнение в квадратных скобках принадлежит, вероятно, собирателю.

^л В ркп зафиксированы комментарии исп.: «30 лет ходил, за 30 лет жены он не сказался. Это всё было, всё было, были такие люди. Ну, что и теперь, есть начитанные. Вот тут остался одна, 24 года жила, детей вырастила, дом создала, а нигде по сторонам не трепалась. Теперь нет таких людей...»; «Он за неё Богу молился, чтобы и она, значит, не моталась, а жила праведной жизнью...»; «Можно было по облику спознать».

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

БЫЛИНЫ

Сухман

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 17.

Зап. в период с 5 по 16 июля 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Пелагеи Степановны Югоровой, 62 лет.

«Когда-то на веках у меня книга была, так пела и запомнила ещё в ребячестве» (исп.).

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 2 «Сухман Одихмантьевич».

Зап. в период с 5 по 16 июля 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Натальи Степановны Ананьиной, 74 лет.

Дунай и Настасья-королевна

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 3 «Дунаюшко».

Зап. в период с 5 по 16 июля 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Натальи Степановны Ананьиной, 74 лет.

«Подсказывали сёстры Марина Ст<епановна> Богданова, 68 л<ет>, Пелагея Ст<епановна> Югорова, 62 г<ода>» (примеч. соб.).

«Эти стихи всё про князей старых... да про Илью... Местны, шуерецкие, старухи знали» (исп.).

Соломан и Василий Окулович

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 7 «Про Соломана-царя».

Сведения о месте, времени записи и исполнителях см. примеч. к № 3.

Иван Годинович

№ 5. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 22.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Марины Поликарповны Дьячковой, 57 лет. Запись с пения.

«Пели сестра да мать. Маленькая была, не запомнила конца» (исп.). Исп. вспоминала былинку так: «Он срядился да поехал из дóму, князь. Князь Владимир, верно, был. В какую-то командировку, верно, поехал — на войну ли или как. Вот ей и оставил» (к. 172, п. 2, № 21 об.).

№ 6. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 114.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Евдокии Дмитриевны Конёвой, 59 лет.

По свидетельству исп., отец ее «очень грамотный был, он выписывал „Деревенские досуги“».

Чурила и Катерина [Алёша и Катерина]

№ 7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 95 (исправлен на № 105).

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Анны Емельяновны Чуниной, 54 лет.

По свидетельству соб., А. Е. Чунина «вычитала стих в какой-то газете, уж не помнит, какой. Стих поет, конечно. Но сейчас говорила, т<ак> к<ак> больна». Исп. вспоминала, что «про князей пели, как боролись-то, когда про Илью-то — Илья Муромец да сын Иванович. Пели про Добрыню Никитича. Они с теткой Марьей-то, старухи; про Олёшу. Нынче запоют, так хужее голоса у народа, раньше лучше-то были голоса у женщин».

Козарин

№ 8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 6.

Сведения о месте, времени записи и исполнителях см. примеч. к № 3.

Исцеление Ильи Муромца + Илья Муромец и Соловей-разбойник

№ 9. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 231.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Анны Марковны Клещовой, 69 лет.

По свидетельству собирателя, у отца А. М. Клещовой «была книжечка, куда он записывал [былины] стихи про Илью Муромца, Добрыню Никитича и другие». Из реплик исп.: «Прежде-то ходили поморы с того берегу, семгу брали и сказки сказывали — тако красиво».

Текст печатается по перебеленной записи Д. М. Балашова. Возможно, беловая копия сделана кем-то позднее, поскольку в с. Варзуга собиратель был в 1957 г. один (см. его экспедиционный отчет).

БАЛЛАДЫ

Дмитрий и Домна

№ 10. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 37, л. 1—2 об. «Домна».

Зап. в период с 5 по 16 июля 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Екатерины Михайловны Каллиевой, 71 года.

Из реплик исп.: «Это всё из жизни взято: так же люди жили, так же сватались, так же она бросалась на ножички». По свидетельству соб., баллада «записана с пения. Перебои ритма связаны с распевом некоторых стихов» (л. 2 об.). Однако некоторые стихи были все же, вероятно, не спеты, а сказаны.

№ 11. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 230 «Митрий».

Зап. летом 1957 г. в с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от Анны Марковны Клещовой, 69 лет.

Текст печатается по перебеленной записи Д. М. Балашова. Копия сделана тем же почерком, каким скопирован текст № 9 (см. примеч.).

№ 12. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 106.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Настасьи Степановны Дьячковой, 73 лет.

По свидетельству соб., «помогала петь (укладывала на пение) Александра Ивановна Чурилова, 72 лет: „Голосу-то нету. Нать ей на такой голосочек-то — что пели“». «Прежде пели-то стихи целыма утрами» (исп.).

№ 13. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 115.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Евдокии Дмитриевны Конёвой, 59 лет.

По указанию соб., текст записан с пения, но исп. «переходила на речь, т<ак> к<ак> плохо помнила текст».

№ 14. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 4.

Сведения о месте, времени записи и исполнителях см. примеч. к № 3.

«А эти стихи, про князей, шли между народом, так и передавались» (свидетельство Пелагеи Степановны Югоровой, с уточнением соб.: «а не от калик»). Из реплик исп.: «Стихи все на один мотив, а песни — на разню».

№ 15. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 4.

Зап. в период с 19 по 21 июля 1957 г. в с. Умба Терского р-на Мурманской обл. от Дарьи Затеевны Березиной, 67 лет.

По указанию соб., «сама с Вязозера. Выучила старины (в Умбе названия „старинны“ нет, только „стихи“) от мамы там. А мама тамошняя. И от дедушки. Там был такой дед Панфил». «Здесь этих старин не поют», по мнению исп. По свидетельству соб., Д. З. Березина знала еще «Козарина», «Князя Михайла», «Соломана», слыхала про «Жену разбойника», «Князя Романа».

№ 16. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 187 «Домна» (стих).

Зап. летом 1957 г. в с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от Ольги Григорьевны Кузнецовой, 75 лет.

Текст печ. по перебеленной записи Д. М. Балашова. Копия сделана тем же почерком, каким скопирован текст № 9 (см. примеч.).

Кроме публикуемых текстов, имеется еще два отрывка баллады «Дмитрий и Домна», записанных Д. М. Балашовым в 1957 г.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 5 (с. Умба Терского Мурманской — от Марфы Матвеевны Подымниковой, 58 лет); там же, № 112 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Александры Ивановны Чуриловой, 72 лет).

Сестра и братья-разбойники

№ 17. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 2 [«Вдова Пашица»].

Сведения о времени, месте зап. и исп. см. примеч. к № 15.

№ 18. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 107.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Настасьи Степановны Дьячковой, 73 лет.

По свидетельству соб., «Исполнит <ельница> хотя и пела, но с трудом, путаясь, припоминала текст».

«Нынче радио поёт, да патефоны поют — так не запели песни, и стихов не запели, всё забыли» (исп.).

Кроме публикуемых текстов, имеется еще один отрывок баллады «Сестра и братья-разбойники», записанный Д. М. Балашовым в 1957 г.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 112 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Александры Ивановны Чуриловой, 72 лет).

Князь, княгиня и старицы

№ 19. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 5.

Сведения о времени, месте записи и исп. см. примеч. к № 3. Н. С. Ананьина про баллады: «Эты пустяжны».

№ 20. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 21.

Зап. в период с 5 по 16 июля в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Анны Васильевны Галашкиной, 61 года.

№ 21. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 116.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Евдокии Дмитриевны Конёвой, 59 лет.

Текст записан с пения. По мнению соб., напев этой баллады схож с напевом баллады «Князь Роман губит свою жену» (см. № 25). «Князь Михайло» (см. № 26) исполнен «на особый напев».

№ 22. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 29.

Зап. в период с 5 по 16 июля в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Анастасии Михайловны Исаковой, 66 лет.

№ 23. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 99.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Паулы Емельяновны Приданниковой, 53 лет.

Запись сопровождается пояснением, вероятно, исполнительницы: «Каждый стих обычно поётся по два раза, но иногда и по одному».

№ 24. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 232 «Князь девяносто лет».

Зап. летом 1957 г. в с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от Анны Марковны Клещовой, 69 лет.

Текст печатается по перебеленной записи Д. М. Балашова. Копия сделана тем же почерком, каким скопирован текст № 9 (см. примеч.). Рукой Д. М. Балашова, кроме указания на собирателя («Зап. Д. Балашов»), отмечено, что запись велась «с пения».

«В Великий пост стихи пели, песен-то не пели» (исп.).

Кроме публикуемых текстов, имеется еще один отрывок баллады «Князь, княгиня и старицы», записанный с пения Д. М. Балашовым в 1957 г.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 23 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Марины Поликарповны Дьячковой, 57 лет).

Князь Роман губит свою жену

№ 25. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 117 «Князь Роман».

Сведения о времени, месте записи и исп. см. примеч. к № 21.

Текст записан с пения.

Кроме публикуемого текста, имеется фрагментарный пересказ баллады «Князь Роман губит свою жену», зафиксированный Д. М. Балашовым в 1957 г.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 97 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Павлы Емельяновны Приданниковой, 53 лет).

Мать князя Михайлы губит его жену

№ 26. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 216 «Князь Михайло».

Сведения о времени, месте зап. и характере ркп см. примеч. к № 11.

Зап. от Татьяны Семеновны Елисеевой, 66 лет, и Анны Марковны Клещовой, 69 лет.

№ 27. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 118 «Князь Михайло».

Сведения о времени, месте записи и исп. см. примеч. к № 21.

Текст записан с пения.

№ 28. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 30 «Про Марфиду».

Зап. в период с 5 по 16 июля в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Анастасии Михайловны Исаковой, 66 лет.

«Это мы самы собой пели, старухи нас учили» (исп.).

Кроме публикуемых текстов, имеется еще один сокращенный вариант баллады про «Князя Михайла»: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 98 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Павлы Емельяновны Приданниковой, 53 лет).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Егорий и Змей

№ 29. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 20.

Сведения о времени, месте зап. и исп. см. примеч. к № 20. А. В. Галашкина: «Кондратьевна меня научила. 12 годов мне было, я этот стих запомнила»; «Я у Кондратьевны в няньках жила, так выучила этот стих».

Кроме публикуемого текста, имеется краткий пересказ стиха «Егорий и Змей»: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 32 (с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР — от Анастасии Петровны Логиновой, 53 лет).

Егорий Храбрый (фрагмент)

№ 30. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 95 (исправлен из № 65).

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Анастасии Дорофеевны Чуриловой, 67 лет.

Из беседы с собирателем: «На мотив он (стих о Егории Храбром. — Л. П.) такой треложный, его запоёшь, так-так и слёзы льются, не можешь с собой совладать»; «Песни-то были проголосны. Счас и голоса-то не таки. Так поют — не голосисто, толстыма голосамы-то»; «Я много помнила в молодости, а после концы забыла и серёдки, так уж...».

Кроме публикуемого, Д. М. Балашовым записан еще один фрагмент стиха о Егории Храбром: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 66 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Агафьи Макаровны Кузнецовой, 70 лет).

Михаил Архангел

№ 31. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 34 (исправлен на № 31).

Зап. в период с 5 по 16 июля в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Анастасии Петровны Логиновой, 53 лет.

От А. П. Логиновой конспективно записан духовный стих «Два Лазаря» (Там же, п. 1, № 32), а также начало стиха «Расставание души с телом», обозначенного как «Рыдание у гроба» (Там же). Слышала про балладу «Князь, княгиня и старицы»: «Этот красивый стих — как она [т. е. княгиня] ожидала [мужа]... Слушать старинных стариков очень хорошо — пригодится молодым. Теперь-то ни к чему, а раньше-то послушаешь... Она как стала говорить тот стих, так мы наплакались. Есть и на самом деле — насажут и насплетничают, а потом и на самом деле живут люди плохо» (Там же).

Алексей человек Божий

№ 32. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 38.

Сведения о месте, времени зап. и исп. см. примеч. к № 10.